

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

СМЕХ И ГРЕХ Ивана Царевича

ЭКСМО

АДВЕНТАРМЕН СМЕСЬ
Иван Подушкин

Дарья Донцова
Смех и грех Ивана-царевича
Серия «Джентльмен сыска Иван Подушкин», книга 17

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6357305
Дарья Донцова. Смех и грех Ивана-царевича: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67972-0

Аннотация

Правду говорят: привычка – вторая натура! Давно уже Иван Подушкин не служит у бизнес-леди Элеоноры секретарем, но прибежал к ней по первому зову! Конечно, Норе вновь понадобились его услуги частного детектива – к ней обратилась Людмила Винивитинова-Бельская и попросила расследовать смерть ее отца. Официально он умер от инфаркта, но кое-какие факты заставили старшую дочь заподозрить, что к гибели папы приложила руку его вторая семья. Вот и пришлось Ивану Павловичу примерить на себя роль дворецкого в княжеском доме! На самом деле Винивитиновы-Бельские никакие не князья, эту легенду выдумал прадед Людмилы, и с тех пор ушлое семейство умело ею пользовалось. Но почему Иван вдруг своими глазами увидел призрак собаки-убийцы, которого отец Люды придумал для привлечения в особняк туристов?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Донцова

Смех и грех Ивана-царевича

Глава 1

Сор из избы соседа всегда намного интереснее грязи из собственной квартиры...

Я молча смотрел на элегантно одетую худую даму, а та, постучав пальцем по столу, спросила:

– Иван Павлович, вам ясно, куда я клоню?

– Более чем. Смею заверить, болтливость не является моей отличительной чертой, – отвечивал я.

– У вас прекрасные рекомендации, – протянула собеседница, – надеюсь, они заслуженны. Мы поняли друг друга?

– Конечно, Елизавета Матвеевна, – произнес я. – Разрешите удалиться?

– Ступайте, голубчик, – милостиво кивнула хозяйка дома. – Ужин, как всегда, в обычное время.

Я быстро покинул комнату, дошел до круглого холла, посередине которого возвышалась фигура рыцаря, и услышал справа картавый голосок:

– Теперь посмотрим налево... Перед вами портрет Андрея Винивитинова-Бельского, третьего сына Григория, прозванного Щедрым. Как видите, художник изобразил князя в окружении его любимых охотничьих собак...

Я втянул голову в плечи и поспешил вперед по широкому коридору, менее всего желая сталкиваться с толпой экскурсантов.

Не могу сказать, что Елизавета Матвеевна и все ее семейство вызывают у меня какие-то светлые чувства, но когда вспоминаю, в каких условиях живут Винивитиновы-Бельские, мне становится их жаль. Я бы давно сошел с ума в доме, по которому ходят толпы посторонних, беззастенчиво делают фотографии и в прямом смысле этого слова суют нос в твою тарелку с едой. Вчера, например, в столовую, несмотря на табличку на двери «Не входить, частная территория. В зону экскурсии помещение не включено», в обеденный зал вломилась парочка в грязных джинсах. Молодой человек живо стал щелкать мобильным телефоном, а его спутница подскочила к Елизавете Матвеевне, стоявшей возле буфета, дернула ее за волосы и одобритительно сообщила:

– Витька, причесон-то настоящий!

Надо отдать должное даме – та лишь кашлянула и, как всегда, высокомерно-вежливо проронила:

– Вы случайно забрели на территорию, закрытую для посетителей.

– Бли-и-и-и! – заорала девица, отпрыгивая в сторону. – Витька, это че, приколы? Обалдеть, восковая фигура разговаривает!

А хозяйка усадьбы ровным тоном сказала, обращаясь уже ко мне:

– Иван Павлович, сделайте любезность, объясните экскурсантам, что они находятся на частной, а не музейной половине дома, и проводите их к экспозиции восковых фигур под названием «Ужин в княжеском доме», расположенной в западной части.

Я распахнул входную дубовую дверь, украшенную затейливым орнаментом, со словами:

– Прошу вас. С удовольствием покажу дорогу.

Парочка, не торопясь, выплыла в коридор.

– Так эта тетка живая? – удивился парень.

– Вы сейчас встретились с владелицей поместья княгиней Елизаветой Винивитиной-Бельской, – пояснил я. – Их сиятельство проверяла качество чистки столового серебра.

– Офигеть... А она че, мешком с песком прихлопнутая? Разговаривает дебилно... – подала голос девица.

– Закройся, Наташка! – приказал подружке спутник и взглянул на меня. – А вы, типа, того... тоже граф?

Я улыбнулся:

– Винивитинов-Бельский имел княжеский титул. Нет, я дворецкий.

– Ну, ваще, как в кино, – пробормотал парень. – Сфоткаетесь с нами? На билете написано, что всю мебель в доме снимать можно.

Надеюсь, теперь вам стало понятно, почему я не испытываю желания общаться с экскурсантами, которых водит по поместью Анфиса, младшая сестра Елизаветы Матвеевны. И, наверное, нужно объяснить, почему я, Иван Павлович Подушкин, служу дворецким.

Неделю назад мне позвонила Нора и нарочито весело сказала:

– Привет, Ваня. Это Элеонора Андреевна Родионова. Помнишь такую особу? Когда-то ты служил у нее личным секретарем.

– Надеюсь, вы пошутили, – улыбнулся я, – вас невозможно забыть.

– Можешь приехать? – тут же схватила, так сказать, коня за хвост Нора. – За час доберешься? Адрес напомнить или он еще не выветрился у тебя из головы?

Тихий внутренний голос шепнул мне: «Соври, что занят, уезжаешь из Москвы, улетаешь в Антарктиду, отправляешься на Марс и в ближайшие двести лет не вернешься в Россию. Не к добру этот звонок!» Но воспитание не позволило мне прислушаться к совету, и я ответил:

– Уже в пути!

Но, отсоединившись, тут же рассердился на себя.

Помнится, Антон Павлович Чехов писал, что он по капле выдавливал из себя раба. Не знаю, получилось ли у слишком рано ушедшего из жизни писателя завершить сей процесс, но у меня по этой части явно большие проблемы. Вот с какой, интересно, стати я бросился на зов Норы, даже не спросив, зачем ей понадобился бывший помощник? Ведь я более не работаю у нее, не получаю зарплату, не живу в ее просторных апартаментах, не катаюсь на выданной ею машине. Иван Павлович Подушкин самостоятельный человек, никому ничем не обязанный. Более того, в душе моей до сих пор нет-нет, да поднимет голову обида – Нора не очень-то красиво поступила со своим секретарем¹. Но вот поди ж ты, едва услышал я голос госпожи Родионовой, как сработала старая привычка, и я тут же кинулся исполнять приказ бывшей работодателяницы. Похоже, из меня раб не выдавится никогда, он пустил во мне глубокие корни и расцвел, как махровый пион на теплом солнышке.

К одному из несомненных достоинств Элеоноры относится ее черта сразу, без долгих предисловий, приступать к делу. Бизнесвумен не тратит времени на длинные вступления. Вот и сейчас она обошла без дежурных фраз о погоде, быстро сказала:

– Ваня, я знаю, что вела себя как дура, и ты имел полное право оскорбиться. Но, согласись, убежать из дома с бродячим цирком – это скорее свойственно подросткам, а тебе уже не двенадцать лет.

– В общем-то, вы правы, – согласился я, – но давайте вернемся к основной теме сегодняшней встречи. Зачем я вам понадобился?

– Сначала ответь на мои вопросы, – заявила Нора. – Где ты сейчас живешь?

– В небольшой квартире, – обтекаемо ответил я.

¹ О том, как Иван Павлович и Элеонора поссорились, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Продюсер козьей морды», издательство «Эксмо».

– Насколько я знаю, твоя однушка расположена на выселках, куда от центра добираться часа два, – хмыкнула бывшая хозяйка. – Из престижного центра, из прекрасных апартаментов ты попал в клоаку. Домработницу не держишь, сам готовишь, стираешь, убираешь.

– В двадцать первом веке вести хозяйство совсем не трудно, полно всякой техники и готовой еды, – пожал я плечами.

Но разве Нору остановишь? Она по менталитету слон – надвигается на вас и давит копытами. Хотя, пардон, есть ли у слона копыта? Зоолог из меня никакой.

– Вместо новой дорогой иномарки, которой ты пользовался, служа у меня, ты рассекаешь по городу на убитой старой малолитражке. Кстати, где ты откопал этот автомобиль? Почему он украшен надписью «Мы вам покажем все»?

– Слоган действительно не очень удачный, – улыбнулся я. – Его придумали братья Морелли, с которыми я работал, покинув вас. Некоторое время назад их взяли в цирк дю Солей, и мы расстались. Я вернулся в Москву и поселился в квартире, которая принадлежит Энди Морелли. Денег за аренду он не берет, я оплачиваю коммунальные расходы и электричество. Небольшая машина циркачей теперь им не нужна и досталась мне в подарок. Буквы на капоте и заднем стекле я пытался стереть, но задача оказалась невыполнимой, поэтому я катаюсь так. Моя жизнь вполне устроена. А еще радуется, что у Энди, Антонио, Жозефины и Мары дела идут отлично – у них прекрасная зарплата, страховка и все условия для работы. Жаль, конечно, что я перестал общаться каждый день с Мими, она мой лучший друг, но ведь есть скайп, и мы часто созваниваемся. Правда, в цирке дю Солей нет животных, поэтому Мими переживает, что не выходит на арену. Но она не из тех, кто падает духом, и сейчас старательно осваивает профессию стилиста-гримера. Вроде у нее это хорошо получается.

– Извини, не поняла, – остановила меня Нора. – Кто такая Мими? Ты же сказал, что в цирке дю Солей нет зверья, твоя подруга там не работает.

– Мими – обезьяна, ее не выпускают к зрителям, – пояснил я. – Она не исполняет номер, а гримирует Морелли.

Глаза Норы из миндалевидных стали круглыми:

– Мартышка? И ты с ней общаешься по скайпу?

– Понимаю ваше удивление, – вздохнул я, – вы знаете, что я не люблю пользоваться Интернетом. Но ради близкого друга пришлось поступиться принципами.

– Твоя макака умеет разговаривать? – подскочила Элеонора.

– Пока не научилась, но в скайпе есть функция обмена сообщениями, – пустился я в объяснения. – Мы смотрим друг на друга и пишем. Хотя я давно научился понимать Мими без слов. Но вы же меня позвали не для того, чтобы выяснить, какие отношения связывают нас с Мими?

Нора кашлянула:

– Нет. Я не подозревала, что ты скорешился с обезьяной. Ты случайно не взял себе в камердинеры медведя?

Я засмеялся:

– У Тихона непростой характер, у него нет ума и шарма Мими. Тиша вместе с Костей сейчас работает где-то в Сибири. Думаю, им там лучше, бурые медведи плохо переносят жару.

– Боже, спаси мой разум, медведь-таки тоже есть в его жизни... – пробормотала Нора. – И кто из них топтыгин? Константин?

– Нет, Тихон, – поправил я.

– Похоже, он пока не освоил скайп, – хихикнула бизнесвумен.

Я кивнул:

– Да, Тиша не из самых сообразительных.

Элеонора встала, скрестила руки на груди и произнесла целую речь:

– Ваня! Давай забудем про цирк и про твоих новых, немного странных приятелей. Я знаю, что ты работаешь редактором в захудалой газетенке «Мир глазами человека», правишь чужие статьи, получаешь три копейки. Слава богу, Николетта, твоя маменька, гостит сейчас в Америке у Коки. Зять последней переехал жить в США и прихватил с собой тещу. А вот крокодила Борю ему пришлось оставить – штатники не дали животному визу. Кока очень расстроилась, Борис ей нравился.

Я мысленно пожалел мужика – лучше бы консульская служба поступила наоборот: впустила в Нью-Йорк рептилию и оставила за бортом Коку.

– Интересно, как бы ты выкручивался, останься твоя маман в Москве? – продолжала Нора. – Твоего нынешнего заработка не хватит даже на триста граммов экологически чистого творога из Швеции, который обожает Николетта.

Глава 2

Я молча слушал бывшую хозяйку.

– Короче, тебе приходится унижаться в низкосортном издании, пресмыкаться перед владельцем ничтожного листка за медяки. Может, вернешься ко мне?

– Спасибо за предложение, но нет, – твердо ответил я.

Элеонора сгорбилась:

– Ваня, помоги, мне одной никак не справиться. Я ведь не предлагаю тебе вновь идти на оклад. Но, скажу откровенно, вместо тебя я так никого и не нашла. Иван, ты незаменим! Я слабая женщина, не способна без друга ворочать делами, страдаю депрессией, мигренью, да еще нога каждый день болит. Короче, измучилась я.

Элеонора достала из ящика стола батистовый носовой платок и принялась нервно мять его.

– Ванечка, не бросай старуху-инвалида!

Меня цапнула за сердце жалость:

– Ну что вы, Нора, как вы могли подумать, что я отвернусь от вас? Только свистните – и прибегу.

– Так уже свищу! – воскликнула она. – И в данном случае думаю скорее о тебе, чем о себе. Как только Людмила Оконцева объяснила мне суть вопроса, я, старая опытная кошка, мгновенно просекла ситуацию и одним прыжком поймала жирную мясистую мышь. Ну согласись, Ваня, лучше ведь пресмыкаться и унижаться за солидную сумму, чем за гроши. А еще лучше... В общем, я ей сразу заявила: «Уважаемая Людмила, не надо нам, известным детективам, ваших денег. Не возьмем с Иваном Павловичем ни гонорара, ни большой суммы на расходы, которые всегда возникают во время расследования. В качестве оплаты хотим квартиру площадью метров сто пятьдесят с хорошим ремонтом, причем неподалеку от того места, где живу я. У вас, владелицы успешного риелторского бизнеса, не возникнет проблем при подборе жилплощади.

Нора ткнула пальцем в окно и спросила:

– Что ты там видишь?

– Шестизэтажное здание, – покорно ответил я. – Пару лет назад в нем были густонаселенные коммуналки, а потом кто-то их расселил и начал ремонт.

– Переоборудование особняка затеяла фирма, которой владеет Людмила, – тоном фокусника, достающего из шляпы кролика, объявила Нора. – Сейчас квартиры выставлены на продажу. Глянь, вон там, на последнем этаже, ряд окон – это твоё жильё, Ваня.

Я оторопел:

– Вы шутите?

– Ноябрь на дворе, день дураков уже прошел, а до следующего еще далеко, – хмыкнула Нора. – Нет, я говорю правду. В апартаментах спальня, кабинет, гостиная, объединенная с кухней, два холла, где ты можешь оборудовать библиотеку, и еще пара санузлов, гардеробная, кладовая...

Я моргал в такт словам Элеоноры, та же продолжала вещать, как змей-искуситель:

– Бонусом идет садик на крыше, куда из квартиры есть выход, можно поставить там кресла, столик, диван. Ваня, ты больше не будешь скитаться по чужим углам, наконец-то сошьешь свое гнездо. Ах, да, плюс к этому машино-место в подземном паркинге. Нравится? Если разрешишь, я буду иногда летом заглядывать к тебе в гости, у меня-то нет возможности посидеть на свежем воздухе.

Я откашлялся:

– Судя по вашему рассказу, квартира прекрасная. Но вы в курсе, сколько она стоит?

– Конечно, – заверила Нора. – Взамен нам всего-навсего потребуется найти того, кто убил Семена Кирилловича Винивитинова-Бельского, и можешь вселяться.

– Простите, кого? – не понял я.

– Согласен! – возликовала Элеонора. – Ваня, ты умница, принял правильное решение! Мы опять работаем вместе! Боже, как мне надоели идиоты, которые пытались заменить тебя... Слава тебе господи, Иван Павлович вернулся!

Я хотел возразить, что никогда не собирался возвращаться к работе частного сыщика, но неожиданно как-то само собой изо рта вылетело:

– Расскажите суть дела.

Элеонора села, прищурилась, на секунду став похожей на сытую, чрезвычайно довольную собой рысь, затем завела обстоятельное повествование.

...В начале двадцатых годов прошлого века, когда интеллигенция в массовом порядке пыталась уехать из советской России, в Москву совершенно неожиданно вернулся из Франции хорошо известный и почитаемый в Европе скульптор Алексей Винивитинов. Он искренне увлекся идеями марксизма и решил вместе с освобожденным пролетариатом строить коммунизм во всем мире. Алексей, талантливый, но бедный паренек, в конце девятнадцатого века уехал из России в Италию, получил там необходимое образование, перебрался в Париж, где вполне успешно ваял скульптуры и писал картины, которые расхваливали критики. К моменту принятия судьбоносного решения Винивитинов имел хорошие деньги и честно заработанное имя. Представляете, как отреагировала на его желание перебраться на родину эмигрантская пресса? Даровитого художника заклеили позором, иначе как предателем западные репортеры его не называли. Но зарубежные газеты в СССР в открытой продаже не появлялись, а советские журналисты наперебой восхваляли художника. Тогдашнее руководство страны живо сообразило, какую пользу можно извлечь из приезда в Москву столь известного человека, и широко распростерло ему свои объятия. Скульптору подарили огромную усадьбу купца Бельского: двухэтажный дом с колоннами и участок размером в несколько гектаров.

Едва устроившись на новом месте, Винивитинов изготовил статую «Рабочий у мартена» и женился на юной Леночке, девушке из пролетарской семьи. С той поры жизнь его напоминает счастливую сказку. Репрессии тридцатых годов не коснулись ни Алексея, ни членов его семьи. А когда началась война, художник, будучи уже в солидном возрасте, при всей своей любви к советскому строю защищать отчизну с оружием в руках не отправился. Зато дал денег на танк, что моментально сделало Винивитинова героем.

Если говорить современным языком, то Алексея можно назвать гением пиара. Он всегда знал, как следует поступить, чтобы о нем заговорили, и как получить наибольшую выгоду от своих действий. Художник был патологически работоспособен, трудился с рассвета до заката, обычно брался за хорошо оплачиваемую работу, но подчас ваял скульптуры даром. Вот только бесплатный труд тоже приносил ему неплохие дивиденды. Например, Алексей изваял изумительную статую «Учительница и ребенок», потом подарил ее одной московской школе. Естественно, о щедром жесте написали журналисты, которым «случайно» рассказала о презенте директор учебного заведения. Через неделю к Винивитинову приехали представители одной из союзных республик и попросили сделать для их ПТУ композицию «Мастер с учеником». Профессионально-технических училищ в том регионе было много, украсить хотели каждое, и... Короче, лучше не называть сумму, полученную автором изваяний. Да-да, вы, скорее всего, не поверите, что в советской России были люди, зарабатывавшие подобные деньги.

В пятидесятых годах в светских гостиных столицы шепотком стали говорить о том, что художник на самом деле князь, потомок древнего рода Винивитиновых-Бельских. «Конечно, он скрывает свое происхождение, но тем не менее не потерял аристократизма», – уверяли

одни. «Да какой Лешка дворянин? Самозванец!» – возмущались другие. Злым языкам только дай повод – заработают вовсю. Но как бы ни шипели завистники и сплетники, Алексея Винивитинова в конце концов стали считать князем.

Когда скульптор скончался, его место в мастерской занял сын Кирилл, у которого был собственный ребенок, маленький Сенечка.

Через десять лет, когда в СССР началась так называемая хрущевская «оттепель», Кирилла Винивитинова тоже стали величать князем, а к его фамилии прибавили еще и «Бельский» (если вы не забыли, так звали купца, чью усадьбу получил его отец). Кто первым запустил утку об аристократических корнях бывшего эмигранта? Поговаривали, что это сделал сам Алексей, которому очень хотелось быть не только богатым, но и знатным.

К началу восьмидесятых, когда уже не осталось людей, помнивших, что мать Алексея работала посудомойкой в трактире, а отец служил кучером, его сын и внук, Кирилл и Семен, спокойно назывались Винивитиновыми-Бельскими, и именно эта фамилия стояла у них в паспортах. Семья жила все в той же усадьбе, пользовалась мебелью и посудой купца, который, будучи человеком богатым и основательным, заказал неубиваемые шкафы-кроватьи-столы-стулья из цельного дубового массива, велел украсить их затейливыми завитушками с позолотой и запаса тарелками-чашками на пару столетий.

Кирилл, как и отец, был талантливым скульптором. Его так же любило советское руководство, он имел множество наград, считался мэтром, преподавал в творческом вузе, плодотворно работал. Одним словом, ему достались в наследство от отца талант, редкостное трудолюбие и умение обрастать нужными связями. В усадьбе жили на широкую ногу, устраивали балы, приемы и не считали денег, которых хватало на все с лихвой.

Сына Семена Кирилл определил в художественное училище в надежде, что тот продолжит династию Винивитиновых-Бельских, но просчитался – у мальчика возобладала генетика рано умершей матери. Он рос тихим, предпочитал сидеть в библиотеке с книгами и писал стихи, чем здорово злил отца, который постоянно говорил:

– Что за дурацкая идея марать бумагу? Ступай в мастерскую, берись за резец или становись к мольберту. Помни, ты Винивитинов-Бельский, а вовсе не в семье баснописца Крылова родился, упокой господь его душу.

Семен никогда не спорил, молча выполнял приказы и честно пытался вытесать из камня скульптуру, чем опять злил папеньку. Кирилл отлично видел: на его сыне природа отдохнула, таланта ваятеля у Сени нет. И характера, похоже, тоже. Ведь если хочешь заниматься литературой, так скажи об этом прямо, отстаивай свое мнение, не будь мямлей. Но нет, Сеня походил на кусок пластилина – мни его как заблагорассудится. Молодой человек даже не стал возражать, когда папаша велел ему жениться на Елене Оконцевой, и в девятнадцать лет стал отцом девочки Людмилы. Правда, брак просуществовал недолго, через год последовал развод. А вот второй брак Семена получился удачным. Женой его стала Елизавета Матвеевна Болотова, опять же подобранная сыну отцом, она родила двоих детей, Ксению и Родиона.

На момент печально известной павловской² реформы в сберкассе у Винивитиновых-Бельских хранилось более двухсот тысяч рублей. Напомним, машина «Волга» и трехкомнатная кооперативная квартира стоили тогда примерно по десять тысяч. Понимаете, да? Кирилл жил на широкую ногу, содержал несметное количество прислуги, летал по всему миру. Да-да, ему, известному скульптору, любимцу властей, сыну знаменитого художника, позволялось многое, даже частые поездки за рубеж. Но в стране случилась очередная революция, и все рухнуло. Сбережения, на которые можно было безбедно жить в СССР лет

² Денежная реформа 1991 года, названная потом по фамилии тогдашнего премьер-министра Валентина Павлова. Проводилась в сжатые сроки и лишила многих граждан их накоплений. *Здесь и далее примечания автора.*

эдак триста, превратились в прах. Однако Кирилл Алексеевич не впал в депрессию, не стал увольнять челядь, не прогнал верную экономку Надежду Васильевну Пирогову и не перестал давать балы. Где отец брал деньги, Сеня понятия не имел, но они откуда-то появлялись. Кирилл Алексеевич продолжал жить в свое удовольствие и не жаловался на здоровье, скончался он весьма пожилым человеком в середине нулевых.

Тогда-то Винивитиновым-Бельским пришлось туго. Семен стал изучать финансовые дела отца и понял: с начала перестройки Кирилл Алексеевич не заработал ни копейки, его коммунистическое творчество не было востребовано новой властью. Зато он сохранил массу связей и стал продавать произведения искусства, которые собирал его отец, – драгоценные фарфор, живопись, шкатулки. Почти весь антиквариат ему удалось переправить за рубеж в частные коллекции. Вот на что семья безбедно жила с тысяча девятьсот девяносто второго года, вот откуда брались деньги на престижный отдых, на автомобили, еду, одежду, оплату коммунальных услуг, прием гостей и содержание прислуги.

Кстати, используя свои немалые знакомства, Кирилл Алексеевич успел приватизировать дом и землю, чем буквально спас всю семью. Сеня-то ничего не умел – а главное, не хотел – делать. В мастерскую, где трудились отец и дед, он никогда не заглядывал, преподавать в институте по их примеру не собирался. А в середине девяностых объявил себя поэтом и одновременно искусствоведам и сел писать книгу, над которой работал до своей смерти в начале нынешнего года.

Повторяю: после кончины Кирилла Алексеевича положение семьи стало критическим. К тому времени Елизавета Матвеевна пригласила на постоянное жительство в усадьбу всех своих родственников. В доме обитали не только Семен, его жена и близнецы Ксения с Родионом, но также младшая сестра хозяйки Анфиса и ее престарелые родители – Эмма Геннадиевна с Матвеем Ильичом. Все хотели есть три раза в день, пить чай со сдобными булочками, каждому требовались одежда, обувь. Гигантский особняк сжирал горы топлива и электричества, здание следовало ремонтировать – оно ведь не новое, то крыша потечет, то крыльцо обвалится. Кроме того – в нем была тьма комнат, где на окнах висели шторы, а на полу лежали купленные еще купцом Бельским совершенно неубиваемые арабские ковры, и все это было покрыто пылью. Если раньше по дому бегали со швабрами и тряпками с десятков горничных, а на кухне толклись повара, то теперь осталась одна престарелая Надежда Васильевна, единая во многих лицах: и кухарка, и домработница, и т. д. Не забывайте еще про просторный парк, где в прежние времена трудился штат садовников, ныне же его территория тихо зарастала сорняками.

Как они выживали? Хороший вопрос.

Семен Кириллович самоустранился от всех проблем, на упреки супруги смиренно отвечал:

– Лично мне ничего не надо. Наш род насчитывает не один век, предки пережили много испытаний, я генетически получил в наследство умение довольствоваться малым. Есть обед? Прекрасно. Нет? Попью кефирчик. Его нет? Мне достаточно воды из-под крана, она-то точно не иссякнет.

Как-то раз Елизавета Матвеевна не выдержала и накинулась на мужа:

– Перестань нести чушь про древние корни! Можешь сколько угодно врать о своем аристократическом происхождении в присутствии моих родителей и Анфисы, они в твои рассказы верят, слушают их с открытым ртом. Но мне-то не смей лапшу на уши вешать! В общем, пора тебе взяться за ум и найти какую-нибудь работу.

Семен вскочил, отбежал к балкону – беседа проходила в столовой – и патетически воскликнул:

– Дорогая, что с тобой? Вспомни, в библиотеке хранится родословная князей Винивитиновых-Бельских, мой пращур Степан по прозвищу Железный вместе с Александром Невским громил псов-рыцарей! И никогда никто из семьи не служил за оклад!

Елизавета Матвеевна онемела. Неужели муж поверил во вранье своего деда Алексея? С ума сойти, он на самом деле считает себя князем... Или просто не хочет работать?

От остальных членов семейства тоже не было никакого толка. Анфиса, младшая сестра Лизы, обладала хорошим слогом, бойким пером и писала крохотные эссе в журналы, в которых рассуждала о красоте окружающего мира, – но кому нужны в смутные времена такие опусы? Фису печатали неохотно, еще с меньшим желанием выплачивали ей гонорар. Эмма Геннадиевна и Матвей Ильич получали мизерную пенсию и сдавали свою квартиру, но все их деньги уходили на лекарства да на лакомства для любимца старушки пуделя Рича, которому на рынке покупалась парная телятина.

От полного отчаяния никогда нигде не работавшая Елизавета Матвеевна собственноручно вскопала в парке грядки, посадила помидоры, огурцы, картошку и зелень. И на робкие слова Надежды Васильевны про то, что на глинистой почве, да еще в тени деревьев, ничего не взойдет, она сердито заявила:

– Если неграмотные бабы из деревни выращивают урожай, то у меня, человека с высшим образованием и безупречным воспитанием, непременно все заколосится. Это дело нехитрое.

Но овощи плевать хотели на университетский диплом и умение пользоваться ножом и вилкой – всходы на грядках так и не зазеленели.

Положение Винивитиновых стало почти бедственным. А потом Семену Кирилловичу в голову пришла гениальная идея. Однажды он дал жене толстую книгу и велел:

– Живо прочитай!

Елизавета Матвеевна покорно просмотрела роман и удивилась:

– Что интересного в повествовании об английской семье, которая борется за выживание?

– Молодец, сразу суть ухватила, – похвалил ее супруг. – Ну-ка, ответь, что спасло британцев?

– Они стали пускать в дом экскурсии, – как прилежная школьница, ответила Елизавета Матвеевна.

– Вот! – обрадовался Семен Кириллович. – Что мешает нам заняться тем же? Ты все упрекаешь меня в бездействии, а я порылся в библиотеке и составил легенду. Слушай! Наш замок был построен в тысяча триста двенадцатом году...

– Побойся бога, Сеня! – захохотала Анфиса, присутствовавшая при разговоре. – Ведь сразу видно, что этому зданию от силы лет сто.

– Ты меня недослушала, – надулся хозяин. – Да, дом перестраивался, реконструировался, но сохранились некие свидетельства старины. Например, камин четырнадцатого века, в котором французский король Людовик Пятнадцатый сам жарил гусей.

– Не уверена, что сей монарх жил в те времена, – засомневалась Елизавета Матвеевна. – И, кстати, как он попал в Россию? Зачем приезжал? При чем тут гуси?

– Людовик был родственником князя Андрея Винивитинова-Бельского и тайком, инкогнито, навещал его, они даже гусей на охоте подстрелили, – на полном серьезе заявил Семен Кириллович. – А потом съели их за ужином в усадьбе.

– Дорогой, гусаки живут возле рек, где им в чаше плавать? – усомнилась жена.

– К тому же у нас нет камина, – вставила Анфиса.

И тут тихий, по-чеховски интеллигентный Сеня, мямля, рохля и полный пофигист, изо всей силы треснул кулаком по столу и заорал:

– Всем заткнуться! Как я сказал, так и будет. Надоела нищета! Нет камина? Значит, появится.

Глава 3

Через полгода Винивитиновы полностью подготовили дом к посещению экскурсантов. Женщины – Елизавета Матвеевна с помощью своей пожилой матери Эммы Геннадьевны и верной экономки Надежды Васильевны – отмыли все помещения и перестирали горы текстиля. Семен лично следил за мастером, который соорудил в одной из гостиных состаренную имитацию древнего очага. Ясное дело, очаг не работал, но никто и не собирался разводить в нем огонь.

Затем хозяева усадьбы принялись за оформление помещений.

Первый владелец дома купец Бельский очень любил искусство, поэтому забил комнаты жуткими картинами, в основном портретами, как одиночными, так и групповыми. Люди на полотнах выглядели шикарно – мужчины все в мундирах и сюртуках, никого в простой одежде, дамы в бальных нарядах, при драгоценностях. Прежде Елизавета Матвеевна, имевшая искусствоведческое образование, многократно пыталась избавиться от «живописи», но супруг всякий раз протестовал:

– Ни в коем случае.

– Да почему? – вскипела как-то Лиза. – Полотна – полное барахло, настоящий китч! Правда, рамы прекрасные, дубовые с позолотой. Мы можем выручить за них массу денег. Сколько в доме таких «произведений искусства»? Никогда их не считала, но полагаю, немало, мы на выручку починим крышу.

– Нет! – твердо повторил Семен. – Кстати, в библиотеке висят портреты, которые заказал дед. И что, я должен выбросить память о предке? Между прочим, с ними связана семейная легенда, мне ее папенька рассказывал. Алексей Винивитинов перед смертью взял меня за руку и сказал: «Я спрятал большие ценности в хитро замаскированном сейфе. Картины в библиотеке не простые, в них зашифровано, как найти и открыть тайник».

– Клад бы нам не помешал, – вздохнула супруга. – Ну, и где он?

– Дед не успел открыть тайну, – грустно ответил Семен Кириллович, – умер, недоговорив. Короче, полотна я трогать не дам!

– Ладно, те, что в библиотеке, оставим. Прочие же отправим на свалку, багет на продажу, – решила Елизавета Матвеевна.

– А как поступим с дырками на стенах? – поинтересовался муж. – Придется делать косметический ремонт.

Лиза лишь сдвинула брови – ни о каком ремонте при их безденежье и речи быть не могло.

В общем, мазня осталась на своем месте. И как же она теперь пригодилась! Сейчас Елизавета Матвеевна подводит к этим «произведениям искусства» экскурсантов и рассказывает байки, вдохновенно сочиненные Сеней.

Совершенно неожиданно дела у Винивитиновых пошли на лад, в усадьбу потек народ. Ныне семья может позволить себе достойную еду, отдых в Турции, кое-какие обновления и главное – старается поддерживать дом в приличном состоянии. Последняя задача наиболее трудная, постоянно текущая крыша – вечная головная боль Елизаветы Матвеевны. По-хорошему, всю ее надо бы поменять. Но вы представляете, сколько стоит такая работа, если учесть, что площадь «замка» почти две тысячи квадратных метров? Вот кровля и напоминает тришкин кафтан: в одном конце подлатают, в другом начинает течь. А еще нужно приобрести газовую плиту на кухню – та, что там стоит, помнит еще купца Бельского...

Элеонора примолкла.

– Занимательная история, – улыбнулся я. – А при чем тут мы? Навряд ли обман экскурсантов, считающих, что они посещают родовое гнездо князей, можно считать чем-то кри-

минальным. Ну, придумали люди себе аристократические корни, так это не редкость. Сейчас многие уверяют, что их предки служили при дворе Михаила Романова аж в 1613 году. И потом, взяв деньги за билет, Елизавета Матвеевна честно отработывает их – показывает народу усадьбу.

– Да, – кивнула Нора. – Кроме того, рассказывает легенды, авторство которых принадлежит Семену. Анфиса тоже занимается туристами. Эмма Геннадиевна и Матвей Ильич исполняют роли благородных стариков – встречают гостей. Бабушка продает план замка и сувениры, среди которых особым спросом пользуется маленький плюшевый барбос, а дедушка шепотом рассказывает историю о собаке-убийце.

– О ком? – еще больше развеселился я.

Элеонора пояснила:

– В Семене явно пропал писатель. Он придумал сказание о пращуре Михаиле, который жил в тринадцатом веке и отличался большой любовью к женщинам. Понятное дело, что за знатными дамами князь ухаживал, долго добивался их благосклонности, дарил букеты, конфеты...

– Разве в те времена в России уже знали шоколад? – усомнился я.

– Понятия не имею, – отмахнулась Нора. – Может, тогда вялили фрукты, делали яблочную пастилу... Собственно, какая разница? Мы же не кулинарное шоу обсуждаем. О чем я говорила? Ах да! Михаил. Так вот, этот сластолюбец, любезный с благородными дамами, деревенских девушек якобы просто насиловал и убивал.

– Однако, – пробормотал я.

– В стародавние времена люди не отличались добрым сердцем, – поморщилась Нора. – Один раз Михаил лишил жизни красавицу Светлану...

– Стоп! – снова не выдержал я. – В России имя Светлана стало популярным в девятнадцатом веке, когда в тысяча восемьсот втором году вышел роман Востокова «Светлана и Мстислав». До того существовал вариант «Фотиния», в переводе «светлая». Спустя несколько лет литератор Жуковский выпустил балладу «Светлана», и имя народ стал использовать. Но в тринадцатом веке была Фотиния.

– Ну и кто об этом, кроме тебя, знает? – заметила Нора. – Народу правда жизни не нужна, да и не в ней соль этой истории. Слушай дальше. У погибшей девушки была любимая собака, водолаз...

Услышав название породы, я снова хотел возразить, но только хмыкнул, постаравшись не расхохотаться во весь голос.

– Пес кинулся на князя Михаила, укусил его и был убит, – вещала Нора. – Однако дух верной собаки до сих пор жаждет мщения. Призрак Корнелия...

– А это кто такой? – озвучил я очередной вопрос. – Откуда взялся Корнелий?

– Экий ты несообразительный, – укорила меня Элеонора. – Так звали барбоса.

– Я думал, на Руси в старину псов называли иначе. Ну, например, Онуфрий или Агафон, – пробормотал я.

– Корнелий стал привидением, – продолжила Нора, – и оно до сих пор бродит по замку. Если встретить пса и он при тебе пописает, то жди редкостную удачу. А если он залает на человека, то тот вскоре умрет.

– Бред какой-то, – фыркнул я. – Ладно, представим на секунду, что призраки существуют. Но вспомним: они же не материальные, не едят, не пьют, следовательно, не могут справлять малую нужду.

– Ты, конечно, прав, – кивнула Нора, – но простым людям сказка нравится. И все приходят в полный восторг, если в одной из комнат натыкаются на собаку, которая незамедлительно прудит озеро. Между прочим, это гениальный маркетинговый ход. Пси́на появляется вовсе не каждый день. И довольно большое количество людей постоянно ездят в Пахровка,

так называется местечко, где расположена усадьба, чтобы встретить водолаза. Это, кстати, недалеко от МКАД, если на шоссе нет пробки, минут десять езды.

Я пожал плечами:

– Ну и в чем гениальность байки? Семен просто собезьянничал, ведь почти во всех английских и французских замках экскурсоводы, понизив голос и театрально оглядываясь, расскажут экскурсантам легенду о призраке. Чаще всего это юная невинноубиенная девица. Правда, Винивитинов продемонстрировал креативность, придумав водолаза...

– Ваня, – перебила меня Элеонора, – чтобы полюбоваться на собаку-убийцу, надо войти на территорию усадьбы, а затем в дом. Бесплатно внутрь никого не пустят, нужно купить билет. Сколько бы раз человек ни приезжал, да хоть каждый день, скидок нет. Хочешь встретить пса? Плати, дружок. Людям свойственно верить в чудо, они надеются, что Корнелий исполнит их желания.

Я не нашелся что сказать, а Нора продолжала:

– В Семене явно были задатки бизнесмена, и он, похоже, обладал буйной фантазией. Винивитинов изумительно выстроил всю историю. Рассказывает ее вовсе не экскурсовод. А Елизавета с Анфисой всегда морщатся, если посетители спрашивают их о Корнелии, отвечают: «Кто вам рассказал эту легенду? Да, в истории рода Винивитиновых-Бельских есть темные страницы, но лучше мы с вами посмотрим вот на этот сервиз...» Байку о собаке экскурсантам озвучивает Матвей Ильич, причем после того, как гость купит план усадьбы. Кстати, с этим планом связан еще один прекрасный ход, придуманный Семеном...

Элеонора усмехнулась.

– Схемой стоимостью девяносто девять рублей торгует Эмма Геннадиевна, а она всякий раз, увидев сотенную купюру, смущенно лепечет: «Простите, не найду сдачи. Подождите, пожалуйста, сейчас кто-нибудь мелочью расплатится». Ясное дело, посетитель отвечает: «Ерунда, оставьте себе». Эмма рассыпается в благодарностях, а потом, понизив голос, произносит: «Вижу, вы очень хороший человек, хочется вам помочь. Вон там стоит мужчина, его зовут Матвей Ильич, он служит в поместье с рождения и может вам рассказать страшную историю, о которой умолчит экскурсовод. Идите скорей к нему». В хороший день около старичка собирается немаленькая толпа, и он «поет» о Корнелии, завершая выступление фразой: «Если не встретите ньюфаундленда, не расстраивайтесь, приезжайте еще. И вы можете купить плюшевую копию, она тоже приносит удачу. Все продаваемые здесь игрушки ночью лежат в каминной, а Корнелий туда точно заглядывает и трогает каждую лапой, поэтому копии водолаза заряжены позитивной энергией».

– Ну и бред, – буркнул я.

Нора улыбнулась:

– Кое-кто думает, как ты, уходит осматривать усадьбу, потом отбывает восвояси без покупки. Но обычно люди приезжают с детьми, таких подавляющее большинство, и вот малыши непременно прихватят домой плюшевого Корнелия. А примерно десять процентов взрослых, их родители, становятся постоянными гостями, страстно желающими увидеть призрака. Снимаю перед Семеном шляпу за эту его придумку.

Я заерзал в кресле. Честно говоря, мне уже слегка поднадоело слушать о предприимчивом семействе, поэтому я повторил вопрос:

– При чем тут мы?

Элеонора вытащила из ящика большую скрепку, начала ее разгибать и заговорила быстрее...

– ...В конце прошлого года к Семену Кирилловичу обратился некий Игорь Анатольевич Пятаков, сорокапятилетний бизнесмен, сколотивший миллиардное состояние на торговле алкоголем. Чего он хотел? Жениться на Ксении. Зачем ему понадобилась девушка-студентка, с которой он никогда не был знаком? Ответ простой – Игорь Анатольевич не женат

и не имеет детей, а ведь надо же кому-то оставить накопленное богатство. Олигарх хочет видеть своей супругой непременно аристократку с громкой фамилией и знатной родословной. Сам-то он не может похвастаться дворянскими корнями – его мать была алкоголичкой, умерла от обильных возлияний, а про отца он и вовсе ничего не знает.

– Хочу разбавить плохую генетику благородной кровью, – откровенно признался Пятаков. И затем выложил «козырь»: – Подумайте, ваша девочка вступит в брак, станет какой-нибудь Васильевой, ее дети будут называться так же, и конец родословной Винивитиновых-Бельских. А я возьму фамилию жены.

– У Ксении есть брат-близнец Родион, который продолжит наш род! – парировал Семен Кириллович.

Но Игорь Анатольевич неспроста заработал свои миллиарды, он привык идти к цели напролом:

– Усадьба находится в плачевном состоянии, дому требуется капитальный ремонт, парк необходимо привести в порядок. Денег от экскурсий хватает лишь на ерунду. А я вложу в реконструкцию большие средства, вам отныне не понадобится жить в окружении назойливых людей с фотоаппаратами. Родовое гнездо станет таким, каким являлось до обнищания хозяев. У меня прекрасная коллекция работ лучших художников мира, она украсит дом. По комнатам будут бегать дети, маленькие Винивитиновы-Бельские. Вы, Семен Кириллович, вместе с женой начнете путешествовать по миру, увидите много интересного. И ваши личные покои обустроят, как вы хотите. У меня нет родни, я буду считать Эмму Геннадиевну, Матвея Ильича и вас с супругой самыми близкими людьми.

Семен попытался отделаться от странного гостя.

– Моя дочь пока не думает о замужестве, она еще молода. И девочка не знакома с вами. Как я могу велеть ей выйти замуж за постороннего человека? Не пятнадцатый век на дворе.

– Передайте Ксении мое предложение, – улыбнулся Игорь Анатольевич. – А еще вот этот журнал. Тут корреспондент подробно рассказал обо мне, о моем состоянии, здесь много снимков. Надеюсь, девушка заинтересуется. Я не требую от нее любви, мне нужны наследники – четверо, желательно мальчики – и фамилия Винивитинов-Бельский. Я не стану принуждать супругу к постоянному сексу – только ради зачатия. Пусть Ксения родит мне детей, а далее она вольна делать что пожелает. Объясните ей: лучше летать по миру на собственном самолете и быть стесненной в тратах, чем трястись в плацкартном вагоне раз в год на отдых в дешевом пансионате на берегу Черного моря. Связав свою судьбу со мной, Ксюша спасет семью от нищеты и сама заживет роскошно. Что касается светлых чувств... Если ходишь в рваных туфлях по осенней московской грязи и считаешь, хватит ли у тебя денег на йогурт детям, то любовь к мужчине, от которого родила, испарится очень быстро. Рай с милым в шалаше хорош, если тот стоит во дворе многоэтажного собственного дома, и горничная таскает в твой отдельно взятый парадиз горячий шоколад и сдобные булочки.

Семен Кириллович рассказал супруге об этом разговоре с алкогольным олигархом со смехом. Однако та отреагировала неожиданным образом.

Глава 4

– О боже! – воскликнула Елизавета Матвеевна. – Спасибо тебе, Господи, что ты услышал мои молитвы! Сеня, немедленно звони Пятакову и скажи, что согласен. Мы починим крышу! Сделаем ремонт! Выкинем уродские картины, купленные Бельским, и мазню, которую развесил в библиотеке твой дед Алексей, но главное – не будет больше никаких экскурсий... Все тут переделаем! Все-все! Новая мебель, сантехника, кухня...

– Нет! – закричал Семен. – Не хочу! Не желаю, чтобы фамилия Винивитинов-Бельский досталась лапотному нуворишу!

Елизавета устроила супругу скандал, но тот не дрогнул, твердо заявил:

– Ксения совершеннолетняя и вольна выходить замуж хоть за кенгуру, я не имею права ей чего-либо запрещать. Но усадьба моя по закону. Я не пущу сюда Пятакова, не дам отнести на помойку дедушкино имущество. Будешь настаивать – завещаю дом и парк государству, живите после моей смерти на улице в картонной коробке.

Елизавета пыталась переубедить главу семейства, однако тот стоял на своем. И наверное, от излишних переживаний у Семена Кирилловича, который вел сидяче-лежащий образ жизни, курил и любил жирное, копченое, жареное, сладкое, случился инфаркт. Смерть хозяина усадьбы сочли естественной...

Элеонора пристально посмотрела на меня:

– А дальше, Ваня, самое интересное. Из Канады, прервав обучение в каком-то тамошнем колледже, прилетает Ксения. Ее знакомят с Пятаковым. Игорь Анатольевич становится дорогим гостем в доме. Понятно, что свадьба состоится, но пока о ней официально не объявлено. Думаю, Елизавета Матвеевна великолепно понимает, какой интерес у прессы всех мастей вызовет известие о бракосочетании, вдова не желает видеть на страницах газет-журналов сообщений о том, что Ксюша так хотела выйти замуж за деньги, что понеслась под венец, не оплакав толком отца. Но приготовления к знаменательному событию уже идут полным ходом, в усадьбу постоянно приезжают представители разных модных домов с кофрами. Можно предположить, что невеста выбирает платье.

– Секундочку! – воскликнул я. – Вы так долго рассказывали о бедственном положении семьи – тогда откуда у Винивитиновых взялись средства на заокеанское образование дочери? И где получит диплом Родион?

– Мальчик учится в Москве, на мехмате, – пояснила Элеонора, – а за обучение Ксении не отдано ни копейки. Когда брат и сестра перешли в одиннадцатый класс, школа, которую близнецы посещали, организовала поездку в Монреаль. Дети жили в канадских семьях. Ксюше посчастливилось очутиться в прекрасном доме, у обеспеченных людей, у которых дочь одного возраста с ней. Девочки так подружились, что глава семейства предложил Ксении остаться у них на все лето, а потом пригласил к себе надолго и помог ей поступить в местный колледж. Дочь Семена и Елизаветы имеет глубокие знания, свободно владеет английским, с пяти лет занимается теннисом. Ксюша прекрасно прижилась в колледже, первый год за нее платил канадский бизнесмен, а теперь девушка, сдав экзамены на высшие баллы, заработала грант и посещает занятия бесплатно. Она изучает гостиничное дело, хочет стать управляющей крупного отеля.

– Ясно, – протянул я. – А Родион?

– Говорят, он талантливый компьютерщик, скоро оканчивает институт, – пояснила Элеонора. – Ну а теперь основное. Ко мне обратилась Людмила, дочь Семена от первого брака. Елизавета Матвеевна не особенно ее привечала, без всякой радости встречала в усадьбе, а в конце концов и вовсе поругалась с падчерицей. Сейчас расскажу, как это произошло...

Однажды Мила, приехав в гости, попросила у отца денег. Тот замялся, а его жена заявила:

– Деточка, Семен Кириллович платит твоей матери алименты. Спроси у нее, куда она деваает средства, предназначенные тебе, и более не беспокой по этому поводу отца. В нашей семье недавно родилось двое детей, так что нам есть кого содержать. Ты молода, здорова, вполне способна пойти работать. Клянчить деньги у папы стыдно.

Гордая Люся после такой отповеди больше в особняке не появлялась, чему Елизавета Матвеевна чрезвычайно радовалась. Более того, она полагала, что и муж не общается с Людмилой. Но Мила рассказала Норе, как складывались далее ее отношения с отцом:

– Мы с папой дружили. Когда я перестала навещать к нему в дом, он мне позвонил и сказал: «Солнышко, понимаю, какие чувства ты испытываешь, но посмотри на ситуацию моими глазами. Я женат второй раз, имею близнецов, не хочу ссориться с супругой. Давай встречаться в Москве, я не оставлю тебя без внимания».

И Семен Кириллович сдержал слово. Не один год он регулярно проводил со старшей дочерью пару часов в неделю. Обычно замкнутый и молчаливый, Винивитинов становился в присутствии Люси болтливым, рассказывал ей о семейных проблемах – похоже, дочка являлась для него единственным душевным другом. Рано став успешной бизнесвумен, Людмила неоднократно предлагала отцу денег, но тот неизменно отвечал:

– Спасибо, нам хватает, я не могу залезать в карман к своему ребенку.

Мила переживала, видя потрепанные костюмы отца, его плохонький автомобиль. Один раз она пригласила Семена Кирилловича к себе в офис, показала многоэтажное здание, свой кабинет, карту Москвы на стене и спросила:

– Папуля, видишь красные кружочки?

– Конечно, солнышко, – улыбнулся он, – их много.

– Это принадлежащие мне объекты, – пояснила Людмила. – Пойми, я прекрасно зарабатываю, а тратить деньги не на кого. Давай прямо сейчас поедem в магазин и купим для тебя хорошую иномарку?

– Очень благодарен, но я не альфонс. Или как там называется мужик, живущий на деньги дочери, – гордо ответил Семен.

– Дети обязаны помогать родителям, – возразила Мила.

– Я не очень-то хороший отец. А ты и так оказываешь мне большую поддержку, – улыбнулся Винивитинов. – Кабы не встречи с тобой, дочка, поговорить по душам мне было бы не с кем.

Елизавета Матвеевна, Ксения и Родион вообще не общались с Людмилой. Но в день кончины Семена Кирилловича вдова позвонила падчерице и сказала, где пройдет панихида. А когда Люся спросила, не надо ли чем помочь, смущенно ответила:

– Да, не откажусь от твоей помощи, мы стеснены в средствах. Извини, я наверное, выгляжу сволочью, сама ведь отказывала тебе в финансовой поддержке, и вот приходится просить.

Людмила подавила злорадство и воскликнула:

– Ну что вы! Не помню ничего плохого по отношению к себе с вашей стороны. Сейчас приеду и помогу с организацией погребения.

И действительно помогла. Но не ради Елизаветы Матвеевны – просто ей хотелось, чтобы папа отправился в последний путь достойно. Наконец-то она купила ему дорогой костюм, шикарную обувь, элегантную сорочку.

Отношения между родственниками резко потеплели. Люся познакомилась с Родионом и со спешно прилетевшей из Канады Ксенией. Последний раз старшая сестра видела близнецов, когда те еще лежали в коляске, и теперь была удивлена их непохожестью, да и по

характеру брат с сестрой оказались разными людьми, особой дружбы между ними не наблюдалось.

Родя, тихий и молчаливый, предпочитал сутками сидеть у компьютера или читать в библиотеке. Заставить парня произнести несколько фраз было невозможно. Родион покорно надевал то, что ему покупала мать, не пользовался автомобилем, был вегетарианцем, всегда почтительно общался со старшими.

А Ксюша тараторила как пулемет, обожала шопинг, лихо управляла малолитражкой, любила вкусно поесть, не отказалась бы от шубы из натурального меха и могла весьма резко поговорить с дедом и бабкой.

Последние годы она жила в Канаде, и там у нее было много приятелей. На вопрос же Людмилы, нет ли у нее желания встретиться с теми, с кем она училась в России в школе, Ксения решительно отрубила:

– Они меня терпеть не могли, поэтому сейчас радости при виде этих идиотов я не испытаю.

– А за что тебя не любили? – проявила излишнее любопытство Мила.

Младшая сестренка рассмеялась:

– Хороший вопрос я слышу от женщины, которая сколотила богатство собственными руками... За все! За отличную учебу. За жизнь в усадьбе. За фамилию Винивитинова-Бельская. За красоту. За отъезд в Канаду. За учебу в иностранном колледже. Продолжить?

– Не стоит, – мягко сказала Людмила, великолепно знавшая, как черна человеческая зависть.

Глава 5

После похорон отца Мила официально отказалась от причитающейся ей доли наследства в пользу Елизаветы Матвеевны. Будучи успешной бизнесвумен на рынке недвижимости, Оконцева прекрасно понимала, какую сумму можно получить, продав часть положенного ей земельного надела, но она не собиралась ничего отнимать у второй семьи отца. Еще Мила надеялась подружиться с Ксюшей, испытывая тоску и одиночество после ухода папы. Ей, не имевшей семьи и считавшей, что все мужчины, делающие комплименты, просто желают подобраться к ее капиталу, хотелось иметь близкого человека. Елизавета Матвеевна и Родион не вызывали у Людмилы добрых чувств, а вот прилетевшая из Канады Ксения показала родной.

Мила стала постоянно наезжать в усадьбу, оставалась там на ночь и постепенно поняла: никто в доме не скорбит о Семене. Более того – вдова, ее родители, Эмма Геннадиевна, Матвей Ильич и сестра Анфиса неумело пытаются скрыть радость.

А потом разразился скандал. Из Питера прикатил в гости бывший муж Фисы, художник-авангардист Марк Гольянов. Несмотря на развод, случившийся из-за страстной любви живописца к горячительным напиткам, он сохранил хорошие отношения с первой женой и, что особенно удивительно, с экс-тещей. Приезжая в столицу, Марк всегда останавливается в усадьбе.

На сей раз Гольянов выпил за ужином пару лишних рюмашек, и его понесло.

– Чего сидите такие тихие? – обратился он к присутствующим. – Передо мной комедию ломаете? Ой, умоляю! Не старайтесь, знаю вас голенькими. Мечтали о богатстве? Так вы его получили. Породниться с Пятаковым – это круто. Теперь ваще никаких проблем. Верно, тещенька? Рич будет получать каждый день фуа-гра, ее вашему обожаемому мальчику из Парижа самолетом доставят.

Эмма Геннадиевна лишь поджала губы.

– Замолчи, – сквозь зубы процедила Анфиса.

Но Марк не остановился, повернулся к Елизавете:

– А ты, безутешная вдовушка, починишь наконец-то крышу. Сколько раз я слышал от тебя стоны: «Опять у нас протечка!» У меня создалось впечатление, что единственное твое сексуальное переживание – это шпили-вили с черепицей. Сеня был не мастак в койке, да?

– Заткнись! – велела бывшая жена.

– А наши милые детки... – пропел Гольянов, глядя на близнецов. – Роде не придется горбатиться на чужого дядю за гроши. Конечно, денежки Пятакова вас прокормят. И уж лучше всех устроится Ксюша. Не отворачивайся, зайка, вижу, вижу в твоих алчных глазках азартный блеск. Получаешь специальность управляющей отелем? Ништяк! Муж тебе построит семизвездочную гостиницу. Да, все ваши мечты исполнятся. Хорошо, что Сеня на кладбище (вовремя отправился), а то ведь он вам дорогу к исполнению желаний перекрывал. Уперся, козел, не хотел усадьбу Пятакову на переделку отдавать, вот и помер. Че вы ему в чай подсыпали, а? Эмма Геннадиевна, вы же у нас поборница здорового питания. Небось приобрели для зятя яд с витаминами?

Анфиса вскочила. Одновременно с ней поднялась Елизавета. Сестры схватили алкоголика под руки и потащили его к двери. Щуплый, весивший чуть больше пуделя Рича, Гольянов не сопротивлялся, но продолжал орать, обращаясь уже к вдове:

– Чегой-то ты муженька любимого в печке сожгла, а пепел расшвырять велела? Почему не делали вскрытие? Кто Семену отраву в кефир подлил?

На следующий день красный от смущения Марк уехал не попрощавшись. У Людмилы же неожиданно появились странные мысли, она начала аккуратно разведывать обстановку.

И чем больше подробностей узнавала, тем тревожнее ей становилось. Например, Оконцева выяснила, что патологоанатомическое исследование тела Семена Кирилловича действительно не производилось по просьбе Лизы, которая сказала представителю полиции:

– Умоляю вас, позвольте не кромсать моего любимого мужа! Всем же понятно, у него инфаркт.

И о том, что покойного нужно кремировать, а содержимое урны развеять над рекой, протекавшей по усадьбе, тоже сказала Елизавета Матвеевна. Она объяснила это Людмиле так:

– Мы с Семеном беседовали о нашей смерти, и он всегда говорил: «Обойдусь без холмика за оградой. Никогда не жил за решеткой и после ухода на тот свет не желаю за ней оказаться. Чего хорошего в том, что ты и дети пару раз в год по обязанности станете притаскивать к памятнику цветы и думать: «Ну вот, опять целый день потратили впустую». Запомни, я хочу, чтобы мой прах развеяли над нашей речкой».

Людмила, которая оплачивала процедуру в крематории и поминки, была в шоке от скорпостижной смерти совсем не дряхлого папы, поэтому не увидела в словах Елизаветы Матвеевны ничего странного. Но после скандала, устроенного Марком, вспомнила, как один раз отец проронил во время встречи с ней:

– Похорони меня на кладбище около отца, деда и матери.

Гольянов прав: Семен Кириллович являлся единственным препятствием на дороге Винивитиновых к богатству. Пятаков очень хотел стать аристократом, а найти в России девушку из обедневшей семьи с благородной фамилией не так уж трудно. Но алкогольный олигарх мечтал получить вместе с родовой женой и поместье с красивой историей. Без усадьбы Ксения была не слишком-то привлекательна для удачливого торговца спиртным. Семен Кириллович посмеялся над предложением Игоря Анатольевича и вскоре умер. А его вдова тут же с восторгом это предложение приняла.

Судя по тому, что Ксения, бросив учебу в Канаде, примчалась в Москву, она тоже явно рада возможности стать женой очень богатого человека. Эмма Геннадиевна в присутствии Милы бросила как-то фразу: «Всю жизнь мечтала увидеть египетские пирамиды, афинский Акрополь, Лувр, Пизанскую башню. Но какие путешествия с нашими доходами? И вот на старости лет улыбнулась удача». Матвей Ильич согласно кивал: «Ты права, мамочка, мы сможем везде побывать. Игорь Анатольевич щедрый человек, он обещал отправить меня в Германию, сказал: «Знаю там прекрасного специалиста, вам сделают операцию, опять станете хорошо видеть». И резко повеселевшая Анфиса, вероятно, тоже строит свои планы.

Людмила приезжала в усадьбу раз в неделю, к ужину, и всегда разговор за столом шел о будущем ремонте, о предполагаемых покупках. О Семене никто не скорбел! Оконцева молча слушала беседы родственников, вспоминала слова пьяного Гольянова, и на душе у нее становилось гадко и тревожно. В конце концов старшая дочь Семена Кирилловича спросила себя: а своей ли смертью умер папа? Он не хотел, чтобы Ксюша расписывалась с Пятаковым, категорически противился браку дочери с королем алкоголя, не желал отдавать усадьбу в чужие руки и... внезапно ушел на тот свет. Нет ли тут чего посерьезнее простого совпадения? Умная жесткая Людмила слегка растерялась, поняв, что в истории с внезапной смертью отца могут оказаться замешаны родственники, и не могла сообразить, как ей лучше поступить.

Возможно, Елизавета Матвеевна почувствовала ее беспокойство. Во всяком случае, когда Мила в очередной раз нагрянула в гости, ее встретила домработница со словами:

– Хозяев дома нет. Куда уехали, не знаю.

Вечером ни Ксения, ни вдова, ни Анфиса не перезвонили Людмиле, не спросили: «Ты приезжала? Ой, прости, а мы все внезапно отправились за покупками». Мила сама

набрала номер Винивитиновых. Трубку сняла все та же верная Надежда Васильевна, фальшиво заахав, она сказала:

– Вы нас пока не навещайте. Грипп всех свалил. Кха-кха... Кажется, у меня тоже начинается.

– Может, лекарств купить? – предложила Люся.

– Нет-нет, ничего не надо, – решительно отвергла ее предложение горничная. – А главное, пока не приезжайте, а то еще заразитесь.

Две недели Винивитиновы болели. А потом у них никак не находилось свободного времени для встреч с Милой. Каждый раз, когда Оконцева звонила и говорила Елизавете Матвеевне или Анфисе, что хочет подъехать – мол, давно не виделись, соскучилась, – она слышала в ответ:

– Ой, так жаль, но не получится, мы запланировали поход в магазин за туфлями для Ксюши (или: надо отвезти к врачу Эмму Геннадиевну... купить Матвею Ильичу пиджак... ну и так далее).

Людмила, конечно, сообразила, что ее расспросы о смерти отца не понравились... кому-то из членов семьи, скорее всего Елизавете Матвеевне, и теперь она объявлена у Винивитиновых персоной нон-грата. Вот тут уж Оконцева окончательно пришла к выводу, что ее отца убили, и обратилась к Элеоноре.

Почему не в полицию? Смерть Семена Кирилловича объявлена естественной, он отправился в мир иной в декабре прошлого года, с того момента прошло много времени, сейчас на дворе глубокая осень. Даже если представить фантастическую ситуацию, что Оконцева сможет добиться возбуждения дела, то как доказать факт отравления? Тело невозможно эксгумировать – его нет, даже пепел развеян.

Нора умный человек и, естественно, понимает, что о неких тайнах люди никогда никому не станут рассказывать. Но если в доме постоянно находится кто-то внимательный, он сможет разузнать много всякой информации. Поэтому нужно, говоря языком спецслужб, внедрить меня к Винивитиновым. Вот только как это организовать?

Элеонора ломала голову, у нее рождались всякие фантастические идеи, например сделать меня обожателем Анфисы. Но вдруг в дело вмешался господин Случай. Ей позвонил близкий приятель, владелец агентства по найму прислуги, и сказал:

– Нет ли у тебя на примете мужчины средних лет, приятной наружности, обладающего безупречными манерами, честного, не болтливого, не имеющего никакого отношения к миру криминала и согласного работать дворцом в аристократическом доме? Обычно на эту должность я привожу людей из Англии, в России такие специалисты мало востребованы, да их у нас попросту нет. Но сейчас особый случай. Княгиня Елизавета Винивитинова-Бельская не владеет иностранными языками, ее родители тоже не полиглоты, поэтому им нужен россиянин. Весь мозг себе сломал, где найти такого?

Моей нанимательнице потребовалась вся выдержка, чтобы не заорать от радости. Сделав пару вдохов и выдохов, чтобы успокоиться, Нора ответила:

– Есть отличная кандидатура – Иван Павлович Завирушкин. Служил за границей, вернулся из-за болезни пожилой матери. Я его прекрасно знаю, но скорее всего, Иван уже строился, такие работники, как он, на дороге не валяются.

– Умоляю, познакомь меня с ним, – возопил владелец агентства. – Уж я постараюсь переманить парня!

Элеонора в кратчайший срок изготовила хвалебные отзывы от якобы бывших хозяев чудо-дворецкого, проживающих в разных странах, и новый паспорт для меня. Увидев его, я усмехнулся:

– Фамилия Завирушкин не самая благозвучная.

– Просто это первое, что пришло в голову, – честно призналась моя нанимательница. – Сначала я на автомате выпалила «Иван Павлович», потом изменила «Подушкин» на «Завирушкин», в рифму...

И вот уже несколько дней я являюсь дворецким в усадьбе Винивитиновых-Бельских и внимательно наблюдаю за событиями в доме.

Елизавета Матвеевна усиленно изображает из себя княгиню. Как на самом деле следует себя вести даме, чей род насчитывает несколько столетий, она не знает, поэтому старательно копирует поведение героинь глупых кинофильмов о жизни аристократии.

Эмма Геннадиевна вполне мила и никем не прикидывается. Старушка постоянно лечит мужа от разных болезней и нежно заботится о своей собаке.

Я знаком с дамами, которые вечно таскают при себе крохотных терьеров в ошейниках, щедро украшенных стразами, постоянно целуют любимцев и восклицают: «Ах, мой Жоржик все-все понимает!»

Но Эмма Геннадиевна – особый случай. Она считает своего Рича человеком, наряжает его в пиджаки, свитера, рубашки, брючки, разговаривает с ним, спрашивает у него совета. И, самое интересное, Рич, судя по всему, тоже уверен, что он не собака. По крайней мере, карликовый пудель вышагивает в своих нарядах с весьма довольной миной, ест за обеденным столом из серебряной миски и, когда хозяйка интересуется: «Дорогой, как считаешь, что нам лучше сделать – посмотреть телевизор или пойти погулять?» – отвечает: «Гав, гав».

А чтобы Эмма Геннадиевна правильно истолковала его пожелания, идет либо к двери, либо к столику, на котором лежит пульт. Те, кто мало знаком с миром животных, поражаются его сообразительности, но я, имеющий в друзьях обезьяну Мими, знаю, что наши меньшие братья умнее некоторых представителей человеческого рода и уж точно в разы благороднее, вернее и порядочнее, чем кое-кто из людей. Лично я не встречал собак, которые воруют чужие кошельки, или кошек, распускающих сплетни.

Бабушка по-разному относится к внукам. Родиона она любит, а Ксюшу нет, но я ее понимаю.

Родион вежливый, разговаривает тихим голосом, ходит неслышно и, вернувшись с занятий, прилипает к компьютеру. Если Эмма Геннадиевна просит его прогулять Рича (пес один не желает бегать по двору), юноша не ноет и не говорит: «Попозже обязательно», а спешит на улицу.

К Ксении с такой просьбой старушка никогда не обращается. Вначале я считал, что прохладные отношения сложились у них из-за отъезда девочки в Канаду – Ксюши долго не было в Москве, на каникулы она не прилетала. Но потом стал свидетелем того, как Эмма Геннадиевна потеряла свои бифокальные очки и налетела на внуку с криком:

– Немедленно верни мои глаза!

– Что мне с ними делать? На заднице носить? – в привычно хамской манереотреагировала Ксения. – Бабушка, створожь свой мозг и тогда поймешь, что мне твои очки без надобности.

– Ты всегда их прятала! – взвилась Эмма Геннадиевна. – Засовывала в диван, в подушки, один раз утопила в банке с вареньем. И сейчас за старое принялась.

– Ты того, да? – скривилась внучка и повертела пальцем у виска. – Вспомнила шалости семилетнего ребенка. Ничего, что я вот-вот замуж выйду?

– Человек растет, а сущность его не меняется, – ответила Эмма Геннадиевна. – Ты всегда была противной, обожала подсматривать за взрослыми, подслушивать. Сколько раз я тебя из шкафа в своей спальне вытаскивала? Только лягу в кровать, а дверца скрипит. Кто там? Внушка дорогая! И ведь не маленькая уже была, подросток.

– Мама, вон твои очки, на подоконнике, – вмешалась Анфиса.

– Значит, Ксения их туда швырнула, – не изменила своего мнения старушка.

– Дурдом на выезде, психи зажигают, – заявила Ксюша и убежала вон из комнаты.

– Сколько козу ни воспитывай, ни прививай ей хороших манер, ни учи в Канаде, она все равно козой останется, – резюмировала Эмма Геннадиевна.

И я понял: корни их вражды закопаны в детстве Ксюши. Не все пожилые люди любят своих внуков. Малыши вырастают, становятся подростками, часто они отнюдь не милые создания, кое-кто вот любит подглядывать за старшими.

Повзрослев, Ксения стала по-американски раскованной, постоянно перекатывает во рту жвачку, ходит в джинсах, свитерах и кроссовках, слишком ярко красится. Из еды предпочитает фастфуд, вечно приносит домой пакеты, набитые гамбургерами. Конечно, Канада не США, но, похоже, пресловутый американский образ жизни ведут в Монреале многие, и он пришелся по душе юной москвичке.

Матвей Ильич полностью находится под каблуком у жены. Он совершенно здоров, но покорно принимает горы пилюль, которые подсовывает ему заботливая супруга. Старик любит пиво, никогда не заглядывает в обширную библиотеку поместья, зато активно читает желтую прессу и проводит вечера у телевизора.

Во вторник у Матвея Ильича был день рождения, и Родион подарил ему футбол – такой стол, на котором разбросаны жестяные фигурки игроков, управляемые при помощи штырей. Дед пришел в детский восторг. Родя оказался хорошим психологом, сумел угодить старику. И потом целых два дня подряд парень отрывался от своих ноутбуков, чтобы поиграть с дедушкой. Глазомер у Матвея Ильича никакой, он очень плохо видит, Родион же, несмотря на тесное общение с монитором, на зрение не жалуется, очков не носит. Но в футбольной битве постоянно выигрывал его слепой дед. Разгромив в очередной раз внука, Матвей Ильич бежал доложить Эмме Геннадиевне о своих успехах, и ему даже в голову не приходило, что Родя поддается, проигрывает ему специально.

К слову сказать, Ксения не особенно мучилась, выбирая подарок для дедушки, – преподнесла ему лосьон после бритья.

Анфиса старательно со мной кокетничает. Я не принадлежу к числу мужчин, которые уверены, что все дамы готовы отдаться им по первому зову, но Фиса буквально открыла охоту на нового дворецкого. У нее не имеется любовника, возраст уже не юный, а собственной семьи и детей нет. Вероятно, найти кавалера ей мешает голодный, ошупывающий каждого представителя противоположного пола взгляд.

В свой первый рабочий день я стал незримым свидетелем не предназначенной для чужих ушей беседы сестер и услышал, как Елизавета Матвеевна сердито сказала Анфисе:

– За старое взялась?

– Что я сделала плохого? – заныла та.

– Опять водишь экскурсии в наряде проститутки! – взорвалась Елизавета. – Декольте до пупа, юбчонка по самое не могу и ботфорты. Не смей нас позорить! Ты отвадишь народ: увидят бабы, какая красота группы сопровождает, – схватят своих мужиков и дадут деру. Пойми наконец, у тебя же на лице прямо написано: «Хочу в койку». А на таких не женятся! Оденься прилично, перестань ко всем клеиться.

Фиса зарыдала и, громко стуча каблуками, убежала.

Головомойка ненадолго образумила младшую сестру. На следующий день Анфиса нарядилась в платье без декольте, с длинным рукавом, но сильно обтягивающее. А уже во вторник облачилась в кофту с вырезом и рискованно короткую юбку. В среду на ней была полупрозрачная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, а юбка смахивала на носовой платок.

Фиса постоянно обращается ко мне с просьбами, берет меня под руку... Думаю, не стоит продолжать дальше.

Надежда Васильевна – типичная прислуга, проработавшая всю жизнь на одном месте. Она...

– Помогите! – истошно закричал женский голос. – Эй, кто-нибудь, скорей!

Я перестал предаваться размышлениям, понял, что вопль несется с заднего двора, куда категорически запрещено заглядывать посторонним, распахнул створку окна, выпрыгнул вниз и увидел Ксению, одетую в джинсы и темно-коричневый пуловер. Заметив, что на ее зов откликнулся дворецкий, она кинулась ко мне, схватила за руку и затряслась. Меня тоже заколотил озноб.

Неподалеку от служебного входа в особняк в осенней грязи лежал труп женщины, одетой почти как Ксюша, – в темно-синие брюки, свитерок, только черный, и темные замшевые балетки. Светло-русые волосы ее мокли в луже. Почему я не кинулся к бедняжке, не стал искать у нее пульс, не схватился за телефон и не вызвал «Скорую»? Отчего, бросив беглый взгляд на фигуру, сразу понял: душа покинула бедолагу навсегда? А все потому, что на голове незнакомки, полностью закрыв лицо, лежал здоровенный каменный цветок, один из тех, что украшают край балюстрады на плоской крыше замка, а по плитке, которой выложен дворик, растекалось темно-красное пятно. Да еще Ксения держала меня за руки мертвой хваткой. Всякий раз, когда я пытался высвободиться, она не давала это сделать, всхлипывала и твердила:

– Пошли отсюда скорей! Скорей! Скорей!

– Мать божья, что случилось? – закричала Надежда Васильевна, появляясь на дорожке, ведущей из парка во дворик. – Господи! Вот ужас! Вот страх!

Прислуга кинулась к нам с Ксенией и тоже вцепилась в меня с воплем:

– Помогите!

Мне пришлось увести домработницу и девушку на кухню, а уже потом идти к Елизавете Матвеевне.

Глава 6

Первым в дом прибыл олигарх Пятаков в сопровождении бритого наголо мужчины в дорогом темном костюме.

– Я велел не звонить в полицию, – с порога сказал Игорь Анатольевич. – Надеюсь, вы послушались?

– Да, – всхлипнула Елизавета Матвеевна. – И я ничего не сказала Эмме Геннадиевне и Матвею Ильичу – они пожилые люди, не дай бог, инфаркт заработают. Хорошо, что родители в тот момент, когда Ксюша закричала, ушли на пруд кормить уток.

– Вот и славно, – нежно произнес торговец алкоголем, обнимая будущую тещу за плечи, – нам тут не нужны истерика, врачи и тупые полицейские. Андрей Викторович живо решит этот вопрос. Бабичев, начинай.

Бритоголовый откашлялся:

– Кто в курсе произошедшего?

Елизавета Матвеевна обвела взглядом присутствующих:

– Все тут. Ксюша, Надежда Васильевна, Иван Павлович и я. Дочь выглянула во двор, наткнулась на... ну, на это... и закричала. Дворецкий услышал ее вопль, поспешил на помощь и понял, что произошел несчастный случай. Домработница же отправилась мусор выкидывать, шла от бачка и... увидела труп. Дворецкий сообщил мне. Я сразу соединилась с Игорем Анатольевичем.

Бабичев повернулся к Ксюше:

– Что случилось?

Она обхватила себя руками и затряслась:

– Я увлекаюсь фотографией, хотела сделать снимок хоздвора – там растет красивый и очень старый дуб, папа говорил, ему пятьсот лет. Вышла на улицу, вижу: камень большой. Сначала я не поняла, как он на земле очутился и что под ним, а потом...

Ксения разрыдалась. Елизавета Матвеевна встала с кресла, подошла к дочери, погладила ее по голове и пробормотала:

– Ну-ну, возьми себя в руки.

Бабичев уставился на меня. Я правильно истолковал его взгляд и стал докладывать:

– Я стоял в небольшом холле, его окно выходит на задний двор, поэтому сразу услышал голос Ксении Семеновны. Чтобы выйти на улицу через дверь, мне пришлось бы пробежать несколько коридоров, поэтому я принял решение распахнуть до конца створку полуоткрытого окна и через него выскочить во двор для оказания помощи. Ксения Семеновна была в шоке. На земле лежала женщина. Я провел княжну в особняк, запер черный ход, спрятал ключ в карман и известил хозяйку.

– Мертвую бабу узнал? – поинтересовался Андрей Викторович.

– Не имел возможности рассмотреть лицо погибшей, на нем лежал каменный цветок, – пояснил я. – Близко к телу не подходил, могу лишь описать одежду: синие джинсы, черный пуловер, замшевые темные балетки.

– Ты где раньше работал? – вмешался в разговор Игорь Анатольевич.

– У сэра Беркендорфа, замок Эссекс, Великобритания, – почтительно склонив голову, отпартовал я. – Сэр Мэтью скончался, леди Элен вновь вступила в брак, ее новый супруг полностью сменил штат сотрудников, обслуживающих поместье.

– Беркендорф, Беркендорф... – пробубнил Бабичев, буравя меня взглядом. – Знакомое имечко, где-то я его слышал. А! Игорь Анатольевич, помните, три года назад вы летали в Лондон, я вас сопровождал, и все тамошние СМИ на разные голоса пели про тетку, которая

подозревалась в отравлении мужа? Ну точно! Фамилия ее была Беркендорф. Это твоя бывшая хозяйка? Однако ей удалось сухой из воды выйти, не посадили бабу, опять замуж вышла.

Я отступил на шаг от окна:

– Простите. Но мне ничего о личной жизни сэра Метью и леди Элен неизвестно. Я служил в их замке дворецким, руководил горничными и садовниками. А вот шоферы и няня мне не подчинялись.

Андрей Викторович криво усмехнулся.

– Молодец. О личной жизни княгини Винивитиновой-Бельской тебе тоже ничего знать не надо.

Я кивнул:

– Я озабочен исключительно хозяйственными делами. И, прошу простить за, вероятно, неуместную в данной беседе информацию, но с детства имел проблемы со слухом, зрением и вербаликой. Туг на ухо, слабоват на глаза и немею при виде посторонних. Еще раз извините за излишнюю откровенность, она мне не свойственна.

Игорь Анатольевич заржал:

– Лиза, где ты раздобыла этого парня?

Хозяйка не успела отреагировать на вопрос, Бабичев встал:

– Старики, значит, кормят уток. А где остальные?

Елизавета Матвеевна растерянно взглянула на меня.

– Сестра хозяйки проводит экскурсию, тема «Осень в парке», – быстро заговорил я. – Группа людей ходит по территории. На задний двор никого из посторонних не водят. Прогулка рассчитана на два часа, закончится через тридцать минут. Домработница меняет постельное белье. Родион Семенович в своей комнате.

– Хорошо, что в доме нет толпы слуг, – констатировал Андрей Викторович, – а то потом затыкай всем рты.

Щеки Елизаветы Матвеевны порозовели. Я понял, почему смутилась хозяйка, и пришел ей, принявшей слова Бабичева за упрек в нищете, на помощь:

– Обслуга еще подбирается. Первым в усадьбу наняли вашего покорного слугу, через пару недель я начну проводить кастинг среди тех, кого станет присылать агентство по найму, и к Новому году будет полный штат постоянных работников. Пока же два раза в неделю приезжает бригада поломоек, а еду готовит домработница. Нормального повара с помощниками пригласить до реконструкции кухни было бы неправильно.

– Современную газовую плиту установят через десять дней, – вмешалась Елизавета Матвеевна. – Потом Иван Павлович займется наймом персонала.

Дверь маленькой гостиной приоткрылась, на пороге появился рыжеволосый парень:

– Андрей Викторович, мы все закончили.

Бабичев махнул ему рукой:

– Уезжайте, Коля. – Затем он повернулся ко мне: – Иван, держи мою визитку. Иди к экскурсионному автобусу и жди, пока группа соберется уезжать. Если кто заблажит: «Где моя подруга? Ее нет!» – передай этому человеку карточку и скажи: «Вашей спутнице стало плохо, у нее резко повысилось давление, мы отправили ее в больницу. Позвоните по телефону, доктор даст полную информацию». Никто из вас на заднем дворе не был, ничего не видел, не слышал, не знает. Ксении вообще в доме нет с утра, она уехала с Игорем Анатольевичем на шопинг. Елизавета Матвеевна тоже болталась в городе, ходила по магазинам. Это так, на всякий случай, никто ни о чем вас спрашивать не станет. Если же вдруг появится полиция, сразу звоните мне. Ступай, Иван.

Я покинул комнату, отправился к центральным воротам и увидел пустой автобус. Минут через пятнадцать показалась группа людей, все быстро расселись по местам. Я заглянул в «Икарус»:

– Добрый день. Как экскурсия?

И услышал в ответ разноголосые высказывания:

– Очень интересно!

– Такие красивые картины...

– Почему у вас нет буфета? За несколько часов мы есть захотели.

– Туалет только один, это весьма неудобно.

Я подождал, пока градус эмоций понизится, и продолжил:

– Пожалуйста, проверьте, чтобы все находились в автобусе, и обратите внимание на свои сумки, не забывайте их. Кто старший в группе?

Полная женщина в черном пуховике подняла руку:

– Ну, типа, я. Третий раз у вас, и никто никогда отъезжающих не проверял.

– Вчера одна пожилая дама отбилась от экскурсии – заплутала в парке, не могла найти дорогу к дому и очень испугалась, – нашелся я. – Пришлось нам, когда бедняжка все же попала в особняк, вызывать «Скорую». Поэтому княгиня Винивитинова-Бельская приняла решение...

– Олеся, заканчивай болтать, домой охота, – крикнул из недр «Икаруса» женский голос. – Никто не отстал.

– Точно? – не успокаивался я. И увидел недовольное лицо высунувшейся в проход между креслами ярко накрашенной блондинки, которая незамедлительно стала возмущаться:

– Я знаю своих коллег, нас двадцать два человека, ни один не отстал. И вещи не теряли. Отпускайте нас.

– Счастливой дороги! – пожелал я.

Затем вернулся в дом и доложил Елизавете:

– Экскурсанты выехали из усадьбы в полном составе.

– Откуда тогда взялась эта несчастная? – растерялась хозяйка. – Эмма Геннадиевна продала билеты и, как обычно, закрыла ворота, чтобы никто не проник в парк бесплатно.

– Они ажурные, забор не очень высок, его можно преодолеть без проблем, – заметил я.

– Лезть через изгородь? – без всякой театральности удивилась Елизавета Матвеевна.

– Кое-кто придет в восторг от такой идеи. Может, несчастная из дневной или утренней группы посетителей? У вас, вероятно, есть контакты тех, кто приезжал в десять и в четырнадцать часов, – подсказал я.

– Да, я сохраняю их на всякий случай, – жалобно протянула владелица поместья.

– Если вас не затруднит дать их мне, я попытаюсь узнать, не отстал ли кто, – пообещал я, вынимая из кармана мобильный.

Через десять минут, когда стало ясно, что никто из посетителей не потерялся, Елизавета Матвеевна вспомнила, что она вдовствующая княгиня, и царственно отдала мне распоряжение:

– Ступайте, Иван Павлович, проверьте, все ли готово к ужину. И созывайте членов семьи в столовую в положенное время.

Я чуть склонил голову, вышел в коридор, осторожно закрыл за собой дверь, сбегал на кухню, убедился, что Надежда Васильевна топчется у плиты, взглянул на будильник, стоящий на еле живом от старости холодильнике, и, удостоверившись, что за мной никто не наблюдает, шмыгнул в ответвление коридора, где находится дверь, ведущая на крутую лестницу на крышу.

Осторожно ступив на скользкое покрытие, я остановился и перевел дух. Мужчина не должен признаваться в собственных слабостях, и я старательно скрываю от посторонних свой страх высоты. Но сейчас-то нахожусь на крыше один и ясно понимаю, что приблизиться

к ее краю для меня равносильно подвигу. И все же, поколебавшись пару минут, я встал на четвереньки и кое-как пополз до нависающей над задним двором балюстрады.

В ряду каменных ваз, из которых торчат мраморные цветы, зияло пустое место. На первый взгляд, в том, что один из них упал, не было ничего необычного – особняк дряхлый, его крыша давно пребывает в аварийном состоянии. Однако, внимательно осмотревшись, я заметил, что вокруг дыры слишком много пыли и мелких осколков. А около других «горшков» нет ничего подобного. Стараясь не смотреть вниз и держа в зубах маленький, но мощный фонарик, я, по-прежнему в позе собаки, начал передвигаться от вазона к вазону и шатать их. Ни один даже не шелохнулся.

Ощущая, как трясутся ноги и руки, я вернулся назад и стал шарить в ямке, образовавшейся на месте отлома свалившегося украшения. Пальцы наткнулись на нечто острое, оцарапавшее кожу. Когда пучок света упал на это место, мне стало понятно, почему остальные вазоны стоят, словно прибитые. Оказывается, я слегка повредил руку об остатки деревянного кола, на который была насажена «ваза». Строители, возводившие дом, оказались предусмотрительными. Или сам купец Бельский, когда украшали фасад его особняка, решил избежать неприятностей, которые непременно возникли бы, если б на голову кому-нибудь из его домочадцев рухнул кусок камня, и велел насадить декоративные части на прочные деревянные крепления.

Я еще раз осторожно ощупал торчащий кол и, боясь встать, пополз на карачках к двери, за которой начиналась лестница. В голове бурлили разные мысли. Кто орудовал на крыше? Кто-то из семьи? Эмму Геннадиевну и Матвея Ильича на верхотуре я представить себе не могу. Старикам не сделать и шага по черепице. А вот Елизавета Матвеевна бесстрашно шастает от трубы к трубе – она постоянно проверяет, в каком состоянии кровля.

Медленно продвигаясь к двери, я продолжал размышлять. Естественно, хозяйку имения нельзя сбрасывать со счетов. Анфису, Родиона и Ксению тоже. Хотя опять же сложно представить этих членов клана Винивитиновых в роли злодеев, которые спихивают с крыши вазу на голову незнакомки. И все же они теоретически способны на это. Только домработница Надежда Васильевна вне подозрений – она пенсионного возраста, да еще с излишним весом и со слабым зрением...

– Что тебе надо? – вдруг донесся до моих ушей откуда-то снизу тихий голос. – Какого хрена меня третируешь?

Всегда неприятно слышать площадное ругательство из женских уст, но я не настолько нежен, чтобы вздрагивать от грубых слов. Дернуться меня заставило другое – я сразу узнал ту, кто произнес непарламентское выражение, и сильно удивился. Елизавета Матвеевна, по моему мнению, никак не могла материться, однако именно она прибегла к крепкому словцу.

Глава 7

– Не смей мне звонить! – продолжала разговор, видимо, по телефону владелица усадьбы. – Ты все сполна получила, за этот месяц мы в расчете. Что? Какой журнал? О чем ты? Понятия не имею, пресса всегда врет. Сколько? Нет, ты этого не сделаешь!

Потом раздалось мерное попискивание, и вновь прорезался голос Елизаветы Матвеевны, на сей раз приветливый:

– Ксения, зайди в мою спальню.

Особняк огромен, в нем, как в обычной квартире, нельзя крикнуть: «Мама, ты где? На кухне?» Вернее, заорать-то можно, но тебя попросту не услышат. Во всех комнатах до сих пор с потолков свисают длинные шнуры – во времена купца Бельского и скульптора Алексея хозяева дергали за них, в помещении прислуги раздавался громкий звон колокольчика, и горничные понимали, что они нужны в барских покоях. Не слишком-то удобная система, но таковая существовала в усадьбе вплоть до начала девяностых годов прошлого века, пока Елизавета Матвеевна не установила в здании телефон с внутренней связью. Теперь во всех комнатах членов семьи есть трубки, каждая из них имеет номер. Хотите побеседовать с Эммой Геннадиевной? Набираете цифру «два». Под третьим номером числится Анфиса, ну и так далее. Как поступить, если нужного вам человека нет на месте? Что ж, кто сказал, будто жизнь в замке состоит из одних приятных моментов... Придется трезвонить по всему списку или носиться по комнатам. Между прочим, многие платят большие деньги за беговые дорожки, а тут бесплатный фитнес.

До моего носа долетел запах сигаретного дыма, и я понял, почему прекрасно слышал хозяйку. Та курит, но никогда не предается вредной привычке в доме, всегда выходит, например, на балкон в ее просторной спальне. И в данный момент она стояла прямо под той частью крыши, куда кое-как дополз я.

Я решил воспользоваться случаем и послушать, о чем мать будет беседовать с дочерью. Елизавету Матвеевну явно кто-то сильно разозлил, вот она, едва завершив телефонный разговор, и вызвала к себе Ксению. Можно сделать вывод, что неприятный диалог, услышанный мной минуту назад, связан с ней.

– Ну наконец-то! – недовольно произнесла Винивитинова-Бельская. – Зачем ты так вульгарно нарядилась? И что сотворила с волосами? На твоей голове просто стог сена!

Ответа Ксении я не услышал – в моем кармане что есть мочи заорал мобильный. Ругая себя за то, что перед походом на крышу не отключил трубку, я, забыв про свой страх высоты, со скоростью охотничьей собаки нырнул в дверь, за которой начиналась лестница, и, чуть задышавшись, произнес:

– Слушаю.

– Иван Павлович? – спросил приятный баритон. – Вас беспокоит Юрий Аносов, личный помощник Игоря Анатольевича Пятакова. Вы в доме?

– Нахожусь в правом крыле, – лихо соврал я.

– Вы в курсе, что для господина Пятакова заново отделявают покои на втором этаже? – продолжил собеседник.

– Да, – подтвердил я. – Но работа временно приостановлена. Княгиня объяснила, что она уволила мастера, тот оказался разгильдяем. Приказа найти нового специалиста мне не давали.

– Знаю, – остановил меня Юрий. – Очень рад, что Елизавета Матвеевна последовала совету Игоря Анатольевича и наняла дворецкого. Скоро дом начнет наполняться прислугой, экзаменовывать ее и отбирать лучших должен опытный человек, а не сама хозяйка. Да, кстати, раз уж у нас зашел такой разговор, хочу кое-что прояснить. Зарплату вам выписывает гос-

подин Пятаков, и, хотя формально вы пока подчиняетесь госпоже Винивитиновой, на самом деле ваш шеф – мой босс. Это просто так, для сведения. И должен предупредить: Елизавета Матвеевна – женщина авторитарная, она не воспринимает чужие советы, даже разумные, всегда норовит настоять на своем, что порой приводит к парадоксальным ситуациям. Вы меня понимаете?

– К сожалению, женщины подчас бывают неразумны и, даже когда вы пытаетесь удержать их от опрометчивого поступка, могут обидеться. Мужчина должен настоять на своем, однако сделать это так, чтобы дама не поняла, что ею руководят, – старательно изображая вышколенного слугу, ответил я.

– Вот и отлично, мы нашли общий язык, – обрадовался Юрий. – Похоже, вы-то разумный человек. Елизавета Матвеевна категорически отказалась от всех кандидатур на должность дворецкого, которые я предлагал, сказала: «Сама найду нужного человека», чем встревожила меня и обеспокоила Андрея Викторовича, нашего начальника охраны. Но, пообещавшись с вами, я успокоился.

Помощник короля алкоголя пару секунд помолчал, затем продолжил:

– Вас, наверное, интересует, почему прислугу будут нанимать только теперь и по какой причине ремонт начался всего неделю назад, хотя предложение руки и сердца от Игоря Анатольевича Ксения Семеновна получила почти год назад? Удовлетворю ваше невысказанное любопытство. Проволочка случилась из-за нескольких факторов. Составление брачного договора – процесс длительный, он занял не один месяц. До его подписания господин Пятаков не считал нужным вкладывать деньги в чужой дом. В права наследования невеста вступила только летом. У нас не было сомнений в том, что дочь Семена Кирилловича получит завещанное отцом, но, сами понимаете, случается разное. Я знаю несколько печальных историй. Например, скончался достойный человек, родня принялась делить имущество. Вдруг – бац! Появляется внебрачный ребенок покойного, о котором законная жена и ее дети понятия не имели, и предъявляет свои права. Начинается судебный процесс, который длится годы. К счастью, у Винивитиновых форс-мажора не было, формальности, связанные с брачным договором, недавно завершились. Игорь Анатольевич сразу сказал будущей теще: «Во всех аристократических семьях есть дворецкий, он занимается бытовыми вопросами. Не княжеское это дело по крыше прыгать, я пришлю вам лучшего из лучших. Он будет зачислять на работу горничных». Но Елизавета Матвеевна неожиданно взбрыкнула: «Пока я тут хозяйка. Сама подберу дворецкого». Пятаков мог резонно возразить, мол, кто платит, тот и главный, но он всегда с пониманием относится к женским капризам. Он лишь вздохнул – ох уж эти дамы! И велел нам с Бабичевым проконтролировать процесс. Андрей Викторович навел справки о дворецком, которого отыскала Елизавета Матвеевна, и остался доволен. А я почему-то нервничал. И вот наконец успокоился. Похоже, мы с вами найдем общий язык. Но вернемся к ремонту на втором этаже. В бывших комнатах Семена Кирилловича будет жить Игорь Анатольевич. Ремонт стартовал с санузла, но, несмотря на то что я нанимал мастеров исключительно по рекомендации знающих людей, плиточник оказался косоруким, и его выгнали. В общем, завтра прибудет новый. Будем на связи. Мой телефон у вас определился? До свидания.

Я положил трубку в карман.

В комнаты, которые занимал умерший хозяин, я зашел в первую ночь после приезда в дом – хотел, пока весь местный люд спит, осмотреть помещение. И был немало удивлен его пустотой. Правда, мебель, картины и большое количество книг находились на местах. Но ничего личного в спальне, кабинете и гостиной я не нашел.

Принято считать, что барахольщицами являются женщины, хотя мужчины тоже любят окружать себя вещами: спортивные трофеи, коробка для хранения часов, сигаретницы, кинжалы, оружие и охотничьи трофеи на стенах, модели судов, машин, фотографии... Набор,

конечно, иной, чем у слабой половины, которая предпочитает плюшевые игрушки, статуэтки и другую дребедень, но все же обычно есть. А в апартаментах Семена Кирилловича ничего такого я не обнаружил, они походили на номер отеля, который нерадивая горничная плохо пропылесосила.

Домработница Надежда Васильевна, которая служит в доме много лет, шепнула мне, что Елизавета, не дождавшись сороковин по покойному, начала наводить порядок и выбросила все, что принадлежало мужу. А теперь скажите, поступит подобным образом женщина, если она горячо любила супруга? Большинство вдов годами не решаются избавиться от мелочей, которые принадлежали покойному.

И еще один штрих: за тот срок, что я по заданию Норы прикидываюсь дворецким, Елизавета Матвеевна ни разу не вспомнила своего Сеню, даже не произнесла вслух его имени. Ну знаете, как это бывает – люди беседуют за столом, кто-нибудь говорит ничего не значащую фразу, вроде: «Передайте мне тарелку с сыром», а вдова неожиданно шепчет: «Бедный мой Петя, он так любил рокфор, а я ему запрещала есть его каждый день, опасалась за печень мужа». Моя же хозяйка не выдавала подобных реакций. Хотя это не говорит о том, что она убила супруга, скорее всего, просто давно перестала испытывать к нему горячую любовь.

Помните бородатый анекдот о пожилой супружеской паре, которая, сидя в парке на скамеечке, кормит голубей и мило беседует? Женщина говорит мужу: «Дорогой, сегодня прекрасная погода – тепло, светит солнце. Ну прямо как в Феодосии. Как мне нравится этот город! Когда кто-нибудь из нас умрет, я непременно перееду жить поближе к морю». Возможно, Елизавета Матвеевна родная сестра той очаровательной дамы.

Я достал телефон, отправил Элеоноре эсэмэску, а потом быстро пересек холл, повернул налево, рассеянно зарулил в восточное крыло особняка, машинально сделал пару шагов и – замер. Минуточку! В той части дома, которую занимает семья Винивитиновых, обои бордового цвета, а здесь темно-зеленые, на полу нет ковра, под моими ногами почерневший от времени и давно не обновлявшийся темно-коричневый паркет. Надо же, меня случайно занесло в нежилую часть «замка»!

Я толкнул одну из дверей, вошел в комнату, зажег свет и понял, что не видел эту маленькую гостиную. В день моего приезда Анфиса, конечно, устроила для дворецкого обзорную экскурсию, провела меня по дому, но разве можно после беглого осмотра запомнить, что и где находится? В здании то ли шестьдесят, то ли семьдесят комнат, коридоры, холлы, полно разных закоулков.

Кстати, когда мы с Елизаветой Матвеевной подписывали договор, она сказала:

– Иван Павлович, вы занимаетесь исключительно той частью усадьбы, где живут члены семьи, музейная сторона вас не касается, там будут работать другие люди.

Я еще раз огляделся. Так и знал, что рано или поздно заблужусь! Правда, где находится выход на крышу, я усвоил. Кровля – пунктик хозяйки, она меня уже раз десять заставляла подниматься вместе с ней наверх и осматривать несколько участков черепицы, которые, по мнению Винивитиновой, вот-вот дадут очередную течь. Если честно, я не понимаю, зачем надо постоянно это делать и бормотать себе под нос: «Трещина вроде стала расширяться...».

Но спорить с женщиной абсолютно бессмысленное дело, она всегда права и дуется на вас за то, что вы попытались высказать собственное мнение. Я давно понял: если не хочешь конфликтовать с представительницей слабого пола, нужно применить простую, но верную практику. В тот момент, когда ваша мать, сестра, жена или любовница начинает что-то говорить, нужно слушать ее молча. Последнее слово тут ключевое. Никогда не ввязывайтесь в спор и не думайте, что собеседница, задавая вопрос, например: «Милый, как на мне сидит платье? Тебе не кажется, что я потолстела?» – ждет на него честного ответа. Говорить: «Да, оно тебе мало размера на два, перестань жрать у телевизора шоколад коробками» – нельзя ни в коем случае. Честность в беседе с дамой совершенно не требуется, ей не нужна правда

жизни. «Да» и «нет» – вот слова, которые подойдут к любой ситуации. Говорите меньше – целее будете.

И еще от всей души советую запомнить фразу: «Ты совершенно права». Это прекрасный, стопроцентно безотказно срабатывающий огнетушитель. Как только вас принимают за провокатора на скандал, ну, например, упрекают: «Ты мне совсем не помогаешь по хозяйству», – вы спокойно произнесите: «Ты совершенно права».

И все, скандал затоптан на корню.

А начнете спорить, доказывать, что содержите жену, ее сестру с мужем-лентяем, брата-неудачника, тестя, тещу, оплачиваете школу для детей *et cetera*³, поэтому вынуждены бегать савраской с раннего утра до позднего вечера, не имея времени на поход с супругой за продуктами, получите громкий скандал со слезами и истерикой. Поэтому не злитесь, а проникновенно говорите: «Ты совершенно права». Можете поверить, собеседница еще пару раз повторит претензию и замолчит. Как повздорить с человеком, который во всем с тобой согласен?

Да, чуть не забыл! Эту волшебную фразу нужно использовать лишь в тот момент, когда в ваш адрес направляется поток упреков и претензий. Ни в коем случае не произносите ее, если женщина говорит: «Я потолстела», «Ты меня не любишь», «Моя мама вызывает у тебя раздражение», ну и так далее. В противном случае вашему физическому и моральному здоровью может быть нанесен сильный урон. Не дай бог, еще закончите жизнь в психиатрической лечебнице, в инвалидном кресле. Ведь удар сковородкой по голове может начисто лишить вас разума. Думаете, интеллигентная женщина, допустим врач, учительница, бухгалтер, никогда не опустится до рукоприкладства? Ну-ну... лично я не советую вам проверять, на что способны дамы в гневе. Большинство из них, невзирая на образование и воспитание, превращаются в фурий.

Я еще раз обвел взглядом комнату. Похоже, это гостиная, посвященная охоте. На стенах висят головы медведя, лося, кабана, в стеклянном шкафу хранятся какие-то фляги, причудливо изогнутый рожок, на одном диване валяется весьма потрепанный темно-бордовый халат, а чуть поодаль на ковре стоят клетчатые коричневые тапочки. Я удивился. Ну и при чем тут шлафрок и шлепанцы? Им место в экспозиции, которая называется «Опочивальня князя». Или Анфиса с Елизаветой, обустроивая музей, решили изобразить, что он только-только отправился стрелять уток? Сбросил домашний наряд, надел охотничий костюм, сапоги...

Я подошел к окну, потушил фонарик, отдернул занавеску и понял, что нахожусь совсем недалеко от столовой, куда, собственно, и направлялся. Просто ошибся поворотом, минуя холл, зарулил не в ту галерею.

Дверь тихо скрипнула, я быстро повернулся и оторопел: в проеме стоял черный пес. Он был огромным, мощным и совершенно не вызывал желания ласково потрепать его по голове.

³ *Et cetera* – и так далее (лат.).

Глава 8

Я вздрогнул и неожиданно для самого себя заискивающим голосом произнес:

– Хорошая собачка...

Псина попятилась, дверь захлопнулась.

Я перевел дух и тут же почувствовал себя полнейшим идиотом, потом приказал: «Ваня, очнись! Ты сейчас видел Матвея Ильича, который после смерти Семена Кирилловича изображает привидение». Представляю, как старик развеселился, услышав фразу, которую я выпалил от растерянности. Но что уж греха таить, всем известно, что я слегка побаиваюсь псов, в особенности одного со мной веса. Вот только почему отец хозяйки решил прикинуться Корнелием, главным действующим лицом придуманной Семеном Кирилловичем легенды? Экскурсанты давно покинули особняк, настало время ужинать...

Продолжая удивляться, я вошел в столовую, увидел, что вся семья уже сидит за столом, и встал возле буфета.

– Милый, ты забыл принять свои витамины для шерстистости! – воскликнула Эмма Геннадиевна.

Матвей Ильич, сосредоточенно ворошивший вилкой салат в тарелке, замер:

– Mamочка, а разве я такие пью?

Мой взгляд уперся в лысую голову старика. Хм, похоже, ему уже нет необходимости поддерживать свою, как выразилась его супруга, шерстистость.

– Папочка, я разговариваю с Ричем, – засмеялась Эмма Геннадиевна.

Пуделек, наряженный в ярко-красный свитер, вышитый белыми оленями, сидел на стуле около своей хозяйки. Услышав свое имя, он издал тихий звук, менее всего напоминавший лай, скорее уж мышинный писк, и попытался прыгнуть на пол. Но хозяйская длань ловко схватила его за ошейник:

– Сидеть! Открывай рот, дорогой.

Рич уныло завыл.

– Это смешно, – отрезала старушка. – Хочешь колбаски? Вот, видишь, дружок, ломтик докторской? Я в него заверну таблетку для шерстистости и витаминку для глаз. Сейчас найду их...

Эмма Геннадиевна, поправив бифокальные очки, начала суетливо передвигать армию стоявших возле ее тарелки разноцветных баночек и бормотать:

– Это что? Экстракт подорожника от артрита. Нет, его пьет папочка. И капсулы от потери памяти тоже для него.

Матвей Ильич, вздрогнув, возразил:

– Mamочка, у меня с головой полный порядок.

Жена оторвалась от медикаментов:

– В каком смысле, папочка?

– Я не страдаю маразмом, – пояснил муж, – отлично помню, что происходило сегодня.

– Экое достижение! – хмыкнула Эмма Геннадиевна. – А что мы делали десятого сентября прошлого года?

Матвей Ильич растерялся:

– Забыл. Вероятно, находились дома.

– Вот видишь! – радостно констатировала супруга. – Вот он, склероз, настиг тебя неслышными шагами. А я могу точно ответить на этот вопрос: десятого сентября прошлого года мы в это время ужинали, а в девять сели смотреть программу «Время».

Мне стало смешно, но дворецкий не имеет права ни участвовать в беседах хозяев, ни открыто реагировать на их разговоры.

– М-м-м... – протянул Матвей Ильич.

– А что случилось шестого июня тысяча семьсот девяносто девятого года? – наседала Эмма Геннадиевна.

Матвей Ильич, решив не ударить в грязь лицом, выпалил:

– У меня чудесная память! Ровно в двадцать один ноль-ноль мы смотрели с тобой программу «Время». Ее постоянно показывают в этот час, а мы всегда сидим у телевизора.

Эмма Геннадиевна заморгала, Анфиса захихикала, а Елизавета Матвеевна укоризненно протянула:

– Ну что ты говоришь, папа! Тогда люди понятия не имели не только о телевидении, но и о других нынешних гримасах научно-технического прогресса. Ты не мог смотреть в тот день новости еще и по другой причине.

– Ты тогда еще не родился, папочка! – перебила сестру Фиса. Затем быстро повела плечами, поправила воротник кофточки и кокетливо взглянула на меня. – Правда, Иван Павлович? Разве наш папа похож на развалины Карфагена?

Я не успел найти достойный ответ – Матвей Ильич рассердился:

– Дорогая, зачем ты задала такой вопрос? К кому из нас пришел маразм? Ты забыла, когда появилась на свет?

– Милый, тебе нужно пить лекарство для концентрации внимания, – обрадовалась жена. – Я ведь не интересовалась, что мы делали в тот далекий день, вопрос был поставлен иначе: что тогда случилось? Почувствуй разницу.

Одураченный во второй раз Матвей Ильич поперхнулся апельсиновым соком. А супруга протянула ему блюдечко, на котором лежало с десятков разноцветных пилюль.

– Держи, дорогой. И не капризничай. Здесь все необходимые добавки, которые задержат вредные процессы в твоём организме. Смотри, зеленая таблетка от маразма, красная для концентрации внимания, желтая поможет ровному дыханию, оранжевая поспособствует прекрасному настроению, голубая омолодит печень...

– Я никогда не жаловался на боли в животе, – возразил старик.

Но разве Эмму Геннадиевну остановишь? Она мигом напала на мужа:

– Где у тебя печень? Покажи конкретно!

Матвей Ильич приложил ладонь к левой стороне тела.

– Полагаю, здесь, в районе сердца.

И я тут же от всей души позавидовал старику. Хотелось бы мне дожить до его лет и понятия не иметь о том, в каком месте находятся у меня желчный пузырь, поджелудочная железа, печень. Похоже, у тестя покойного Семена нет проблем со здоровьем.

Эмма Геннадиевна удовлетворенно кивнула:

– Так и знала! Ты ошибся, дорогой, ливер у людей справа. А там у тебя дискомфорт.

– Нет, нет! – затряс головой бедолага.

– Мне лучше знать, где и что у тебя болит, – отрезала жена. – Немедленно глотай!

Матвей Ильич молча взял блюдечко.

– Мама, а что случилось шестого июня названного тобой года? – поинтересовалась Елизавета Матвеевна.

Старушка снова удивленно заморгала:

– Вот уж от тебя не ожидала! Доченька, ты еще молода, можешь пока обойтись гомеопатией. Начни вот с этих капель.

Эмма Геннадиевна потянулась к своим запасам.

– Спасибо, мама, не надо, – быстро произнесла вдова.

– У Винивитиновых в доме был пожар, да? – спросила Анфиса.

Старушка вздернула подбородок:

– Катастрофа! Шестого июня тысяча семьсот девяносто девятого года родился Пушкин. Как можно забыть эту дату? Даже Рич ее помнит. Верно, милый? – Хозяйка повернулась к пуделю. – Надеюсь, хоть ты не станешь демонстрировать невежество и отказываться от витаминов. Вот кусок докторской, я в него запикиваю твои пилюли... Ну-ка, ам!

Ричи покорно разинул пасть и проглотил угощение.

Матвей Ильич потянулся к тарелке с мясной нарезкой, но супруга успела отодвинуть ее на край стола:

– Папочка, это для тебя яд, ешь пюре из сельдерея. Ну вот, вспомнила Сеню... Он тоже не хотел переходить на здоровое питание. И где сейчас мой зять? Ему следовало всегда меня слушать!

Эмма Геннадиевна приложила к глазам салфетку.

Я прислонился спиной к буфету, мысленно улыбнувшись пришедшей в голову мысли. Небось Иван-царевич, который нес домой в кармане жабу, сильно расстраивался из-за того, что посланная им стрела залетела на болото. Но его должно было хоть немного утешать то, что мать жены навсегда осталась в трясине и никогда не очутится с ним за одним столом.

Матвей Ильич горестно вздохнул и стал глотать разноцветные капсулы.

Эмма Геннадиевна повернулась к внуку:

– Родя!

Парень вздрогнул:

– Да, бабушка.

– Что будешь есть на горячее?

– Не знаю, – промямлил тот. – Мне без разницы.

– Так нельзя! – возмутилась старушка. – Человек обязан иметь собственное мнение. Делай выбор: палтус или овощное рагу?

Родион почесал в затылке:

– Ну... мне как маме.

Эмме Геннадиевне опять не понравились слова внука:

– Сколько можно держаться за юбку матери! Ты же мужчина!

Родя сгорбился:

– Тогда мне то, что будешь есть ты, бабушка.

– Вот и хорошо, – кивнула старушка, – это правильно. Если есть сомнение, надо посмотреть, как поступает умный человек, и взять с него пример. Ксюша!

Девушка, ковырявшая вилкой листья салата, подняла голову:

– Что?

Эмма Геннадиевна ласково улыбнулась:

– Ты сегодня рассеянна, налила в салат майонез. Я правильно разглядела? Ты опустошила соусник?

– А что, нельзя, да? – незамедлительно огрызнулась внучка.

Бабушка растопырила пальцы руки:

– Называю четыре причины, по которым людям никогда не стоит употреблять соус, в недобрый час изобретенный французами, и еще одну твою лично. Майонез жирный, поэтому плохо действует на поджелудочную железу, к тому же он делается не из натуральных продуктов, почти всегда продается несвежим. И неужели ты забыла о своей аллергии на «Провансаль»? Сиди смирно, сейчас дам тебе таблетку от пищевого отравления. Где тут она?

Пенсионерка снова принялась перебирать пластиковые упаковки.

– Правда, дочка, – занервничала Елизавета Матвеевна, – как ты могла забыть? Ты вся покроешься красными пятнами, начнешь чесаться. Что скажет Игорь Анатольевич, увидев невесту, похожую на черепашку, больную псориазом?

– Я не собиралась есть салат с майонезом, – начала отбиваться Ксения, – просто...

– Что? Продолжай! – приказала старушка.

– Ничего, – отмахнулась внучка.

– Воспитанные девушки так себя не ведут! – возмутилась пожилая дама. – Если начала фразу, ее нужно договорить. В противном случае все подумают, будто ты решила скрыть нечто плохое.

Ксения отодвинула тарелку:

– Да просто мне пришло в голову подшутить над тобой – я положила майонез в салат и ждала, когда ты заведешься. Ты очень прикольно злишься, сразу делаешься похожей на бурундука. Не одной же Анфисе всех вечно разыгрывать!

Эмма Геннадиевна вновь заморгала, а Елизавета Матвеевна сделала замечание дочери:

– Нельзя обзывать пожилого человека бурундуком!

– Почему? – хихикнула Ксюша. – Эти животные милые, очень смешные, совсем не вредные.

– Немедленно извинись! – потребовала мать.

– За что? – не поняла дочь.

– Давайте спокойно поужинаем, – прочирикала Анфиса. – Ксю, просто скажи: «Прости, бабуля, ты не бурундук».

– Прости, бабуля, ты не бурундук, – тут же повторила слова тетки Ксения и опять захихикала.

– Безобразие! – вскипела Эмма Геннадиевна. – Разве так просят прощения?

– Мапочка, не придирайся к девочке, – попросил Матвей Ильич, – она поступила так, как ей велели. И ты действительно не бурундук.

– Ксения! Ты почему раскрасилась, как индеец на похоронах? – нашла другой повод для недовольства старушка. – Даже я, человек с ослабленным зрением, вижу: щеки кирпичные, веки синие, губы бордовые. Теперь такой ужас в моде? А волосы... Завивка мелким бесом!

– Да, ты сегодня и правда перестаралась с макияжем, – отметила Елизавета Матвеевна. – И прическа неудачная.

– Глупо заливать еду майонезом, зная, что никогда не прикоснешься к ней и ее придется отправить в помойку, – вернулась к прежней теме Эмма Геннадиевна. – Идиотская шутка.

Ксения оперлась локтями о стол:

– Подумаешь! Это просто хохма. Почему ты Анфисе замечаний не делаешь? Она вечно глупые розыгрыши устраивает. Чего ко мне пристала? Кстати, дедушка сегодня зажег. Иду в столовую, поворачиваю из холла в коридор и вижу...

Ксюша замерла с полуоткрытым ртом.

– Сколько раз сказано уже: начала говорить – продолжай! – в очередной раз возмутилась Эмма Геннадиевна.

Ксюша понизила голос:

– Дверь кухни медленно распахнулась, и оттуда вышел...

– Хватит, солнышко, – поморщилась Елизавета Матвеевна.

– Правда, Ксюня, перестань, – попросила Анфиса, – мы хотим спокойно провести вечер.

Племянница смерила тетку взглядом и продолжила:

– ...вышел... Корнелий. Увидел меня – и как залает!

– Это уже слишком! – подпрыгнула Анфиса. – Давайте не будем идиотничать хоть в семейном кругу. Все мы прекрасно знаем, что легенду про Корнелия придумал Семен для привлечения экскурсантов.

– Мой любимый ныне покойный зять, как всегда, оказался прав, – демонстративно всхлипнула Эмма Геннадиевна. – Простой народ в восторге, плюшевых собак расхватывают как лекарства.

– Да, Сеня молодец, – подхватила Фиса, – с Корнелием точно угадал. А вот вторая его легенда, про сейф и зашифрованный ключ, очень неудачна. Это из-за нее мы теперь от ненормальных страдаем.

– Но зато они покупают билеты, – подал голос Матвей Ильич. – А кое-кто, как например Анатолий, приезжает каждый день. Выручка растет. Конечно, рассказ о кладе приманил странных людей, но ведь денег в кассе стало больше, значит, цель достигнута. Одна беда – шкура жаркая, ее надо прямо на нижнее белье натягивать, а все равно потеешь. Подкладка у меха черная и линяет, снимешь комбинезон – майка с трусами в разводах, издали похоже на грязь, очень некрасиво. Но, Ксюня, ты не могла сегодня видеть Корнелия, я не надевал костюм собаки, не ходил по дому. Радикулит у меня разыгрался, поэтому я решил не рисковать, не становиться на четвереньки, а то еще скрючит в присутствии туристов. Им-то потеха, а нам неприятность. Надо мне отказываться от роли Корнелия, пора уступать дорогу молодым. Пусть Родион эстафетную палочку перехватит, у него пока поясницу не ломит.

Внук уронил вилку и тихо возразил:

– Нет, дедушка, ты самый лучший пес. Я не смогу быть Корнелием.

– Не волнуйся, я научу, – пообещал Матвей Ильич.

Глава 9

– Но я тебя видела, – уперлась Ксения. – И слышала – ты лаял. Мерзкий поступок! Все знают: если Корнелий затыкает на человека, то тот вскоре умрет. Вы вот все на меня за майонез набросились, а как оцените поведение деда, он предрек мне скорую смерть.

Эмма Геннадиевна быстро перекрестилась:

– Типун тебе на язык... Матвей Ильич не мог пожелать тебе плохого, он же прекрасно понимает: Игорь Анатольевич уже вкладывает деньги в усадьбу. Пятаков придет в бешенство, если с тобой случится беда и придется отменить свадьбу. И как Лизочка с ним расплатится? Да мы по миру пойдем!

– Говорю же, не изображал я собаку, – повысил голос старик, – уже два дня к костюму не прикасался. И нет в нем устройства для лая, один резервуар с водой. Корнелий только пишет, никому кончину не предрекает. Мы же не хотим распугать посетителей. Ксения опять шутит, не видела она призрак.

И тут Родион, не отрывая глаз от тарелки, еле слышно произнес:

– Я тоже видел привидение. Шел ужинать, а пес стоял около чулана, где постельное белье хранится. Он меня увидел и тихонечко гавкнул.

– Извините, что вмешиваюсь, – не выдержал я, – но я столкнулся совсем недавно с собакой. И слегка струхнул, очень уж она мне огромной показалась. Потом сообразил, что это Матвей Ильич в образе призрака, и успокоился.

– Ага, вот видите! – с торжеством воскликнула Ксения. – Мы с Родей наткнулись на пса-убийцу, и он гавкал. Дед, ты нас ненавидишь, поэтому и решил напугать.

Матвей Ильич побагровел, потом со всего размаха стукнул кулаком по столу:

– Молчать! Не забывай, кто ты такая. Ишь, разболталась тут... Не перегибай палку, сикозявка. Да тебя...

– Папа, замолчи! – в один голос вскрикнули Анфиса и Лиза.

– Все! – заорал старик. – Не желаю более участвовать в спектакле! Меня тут не уважают! Елизавета, выбирай, кто тебе дороже – родной отец или дура-девка. Совсем она зарвалась, беспредельно охамела. Молчать всем! Не желаю слышать, что она невеста денежного сундука. Лично мне и без миллиардов Пятакова неплохо живется, пенсии за глаза хватает, одним кефиром питаться могу, сто пар туфель, как Фиске, мне не надо.

– Вот и до меня добрались, – хмыкнула Анфиса. – Что я-то тебе сделала? Сижу, починая примус.

– Папа, успокойся, – велела Елизавета Матвеевна. – А насчет твоей пенсии могу пояснить. Жалкие гроши, которые платит тебе государство, ты расходуете на пустяки вроде драже в глазури, которое ешь тайком, но если тебе самому придется оплачивать коммунальные расходы, лекарства, еду...

– Что? – взвилась Эмма Геннадиевна. – Какое такое драже?

Ксения вскочила и выбежала из столовой. Матвей Ильич тоже встал и с криком: «Ухожу от вас навсегда!» – направился к двери.

– Папа, это смешно, – бросила ему вслед Анфиса. – Не позорься, куда ты пойдешь?

Старик неожиданно остановился:

– Уеду жить к родной матушке, измучился я в вашей усадьбе.

– Однако на кладбище сейчас очень сыро, папа, – хмыкнула Анфиса, – и грязно. У тебя не только ревматизм разыграется, но и артрит в придачу.

– При чем тут кладбище? – затопал ногами дед.

– Твоя матушка давно умерла, – пояснила младшая дочь, – ее квартиру ты продал, чтобы вложить деньги в финансовую пирамиду, которая рухнула, вот я и решила, что ты говоришь про Ваганьково.

Матвей Ильич одним прыжком преодолел расстояние до двери и исчез за ней.

– Стой! – взвизгнула Эмма Геннадиевна. – Можешь отправляться куда пожелаешь, хоть к своей матери-жабе, которая меня ненавидела, царствие ей небесное и сковородку в аду погорячей, но я хочу знать правду о драже! Куда подрапал?

Продолжая негодовать, старушка поспешила следом за мужем. Елизавета Матвеевна молча поднялась и отправилась за родителями.

– Обожаю тихие семейные вечера, – ухмыльнулась Анфиса. – А ты, Родя?

Племянник проигнорировал вопрос тети. Затем отодвинул свой стул от стола и со словами: «Зачет через два дня, надо заниматься», – кинулся в коридор.

Анфиса повернулась ко мне:

– Видел когда-нибудь более разных людей, чем Ксения и Родион? Первая совершенно не умеет себя вести, с детства у нее случались припадки ярости. Гневливость девчонке от деда досталась. Папенька мой вообще-то милейший человек, но иногда его заносит. Заводится невесть от чего и начинает на метле летать, чушь пороть. Правда, надолго его не хватает, поорет, побьет посуду, а через десять минут опять всем доволен. Если его упрекнуть: «Ну зачем ты истерику закатил?», он удивится: «Кто? Я? Никогда не скандалю!» Родя же пошел в Сеню – тихий, до идиотизма интеллигентный, ни разу даже в детстве ни на кого голоса не повысил. Ксения гуманитарий, в школе не особенно хорошо училась, а Родион блестящий математик. Ну вот как это получилось? Отец и мать у них общие, воспитывались дети вместе, всего имели поровну. И ведь на свет они появились с разницей всего в несколько минут.

– Юноша и девушка близнецы, но совсем не похожи, даже внешне, – согласился я.

– Разнойцовые двойняшки не имеют полного сходства, – пояснила Анфиса. – Вот уж не ожидала, что и Родион соврет про Корнелия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.